

PAUL TOURNIER

A Listening Ear

Texts selected by Charles Piguet
Translated by Edwin Hudson

CAUX reprint

ПОЛЬ ТУРНЬЕ

Услышать человека...

МОСКВА

Библейско-богословский институт
св. апостола Андрея

ISBN 5-89647-017-7
ISBN 2-88037-034-5 (англ.)

Поль Турнье
Услышать человека...

Перевод с английского:
Александр Дорман

Литературный редактор: Татьяна Краузова
Оформление: Мария Чапковская
Верстка: Юрий Строилов

Данный перевод книги «A Listing Ear» Поля Турнье публикуется с согласия издательства Caux Edition (Switzerland).

The translation of «A Listening Ear» by Paul Tournier originally published in English is published in Russian by arrangement with Caux Edition (Switzerland).

За мыслями, идеями мы ищем человека. Идеи могут быть интересными, спорными, — и вдруг мы наталкиваемся на фразу, которая задевает нас за живое. Это встреча, и в этом жизнь. Я ощущаю это особенно остро, когда встречаюсь с незнакомыми мне читателями в какой-нибудь далекой стране. Они цитируют меня, порой что-то написанное мимоходом, чему я тогда не придавал особого значения, но этого достаточно, чтобы между нами установилась прочная связь.

Вот почему подобная книга оправданна. Может статья, читатель наткнется в ней на какое-нибудь замечание, которое поможет ему жить, даст почувствовать, что кто-то понимает, чем живет его душа. Ведь в поиске самой сердцевины жизни — личного контакта — каждый из нас одинок.

Для перепечатки материалов необходимо письменное разрешение издателя.

© Caux Edition, 1998

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2000

С О Д Е Р Ж А Н И Е

<i>От составителя</i>	7
Почему я пишу	11
Сила чуткости и сила безмолвия	14
Обзор	20
Обратимся к личным проблемам	30
Третье измерение в медицине	50
Исцеление общества	65
Загадка страдания	75
Как сделать брак жизнеспособным	97
Учиться стареть	104
Самое главное в моей жизни	123
Приключение продолжается... ..	132

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Женевская кольцевая дорога скоростная, поэтому от штаб-квартиры ООН до деревушки Труанэ, особенно очаровательной в сравнении с большим городом, я добиралась минут за двадцать. Стоит великолепный июньский день. Поль Турнье поджидает меня в тени высокой сосны.

Все вокруг выглядит совсем не так, как четыре месяца назад, когда я впервые приехал сюда, чтобы поговорить об этой книге. Дорожки в саду тогда были покрыты снегом. Мы беседовали в кабинете, а потом доктор вышел проводить меня и пожелать успеха в работе, которую я на себя взял и основные направления которой наметил он сам.

Меня поразила его энергия. Он вышел без пальто – в разгар февраля! – и когда я стал умолять его вернуться, чтобы не подхватить насморк, этот восьмидесятилетний здоровяк ответил:

– Это просто дело привычки и закалки, вот и все. Не надо только влезать в пальто с сентября.

А сегодня сияет солнце, день теплый на славу. В паре шагов от нас по газону пробегает белка.

– Доктор Турнье, позвольте вам сказать, я очень многое почерпнул для себя, читая и изучая ваши тексты.

– Право?

– Я вспомнил, как много лет назад посвятил себя своему призванию, и понял, как незаметно дела вытесняют подлинную заботу о людях. Вечно куда-то спешишь, а выслушать других забываешь. В последнее время я несколько раз сдерживал себя и, думаю, не без вашего влияния.

Мы пролистываем бумаги. За последние месяцы набралась увесистая пачка, намного толще и разнообразнее по содержанию, чем мы предполагали, когда затевали этот проект. С разных сторон стекались материалы, которые когда-либо доктор посылал издателям: выходившие на английском и немецком книги, радиоинтервью, звукозаписи неизданных лекций, ходившие по рукам чуть ли не подпольно.

Мы обсуждаем детали – как редактировать, как издавать, как решать вопросы авторского права. Подобно многим до меня, я вдруг замечаю, что самый обычный, казалось бы, разговор с Полем Турнье переходит в тесный контакт. Мы долго молчим, и в этом молчании переполняются наши сердца. Наконец мы встаем. Поль устремляется в дом и тут же возвращается. У него в руке фотомонтаж из обложек всех его книг, изданных на девятнадцати языках.

– Наткнулся, перебирая бумаги...

Я сажусь в машину, завожу мотор. Поль трусит впереди машины, добегают до конца подъездной аллеи, где она выходит к изгибу дороги. Он смотрит направо, налево и широким взмахом руки показывает мне: «Поезжайте, дорога свободна».

Поль Турнье сопровождает людей. Не теоретически.

Чарлз Пиге

ПОЛЬ ТУРНЬЕ

Услышать человека...

Почему я пишу

Предисловие к антологии избранных отрывков,
опубликованных в Германии в 1980 году

Поначалу я отказался писать это введение, потому что был тогда ужасно озабочен предстоящей поездкой в Южную Африку с лекциями – да и вообще писать предисловие к собственным работам – так неловко!

А может быть, это повод спросить себя, почему я вообще пишу? Меня поразило замечание американской писательницы Анаис Нэн, уроженки Парижа, которая задала себе этот вопрос в книге «В защиту уязвимого человека и другие эссе» (*In Favour of the Sensitive Man and other Essays*, W. H. Allen, 1978) и ответила на него так: «Пишешь, потому что хочешь создать мир, в котором можешь жить». Ну, так вот, я тоже пишу именно поэтому. Мир, в котором можно жить, – это, по-моему, мир, в котором будет настоящий контакт между людьми, в котором мы сможем быть совершенно открыты друг другу и так поможем друг другу стать воистину самими собой.

Я пишу, чтобы поделиться с читателями той честью, что была мне оказана неожиданно-негаданно, честью стать кон-

Предисловие к *Mutig leben*, антологии избранных отрывков под ред. Charles de Roche (Friedrich Reinhardt, Basle, 1980)

фидентом столь многих людей самого разного возраста и положения, мужчин и женщин, приходивших ко мне с решимостью хоть раз в жизни сказать о себе правду, а не взвешивать без конца, что можно сказать, а что нет.

Сколько раз я слышал, как после нелегкой исповеди человек глубоко вздыхал и со счастливой улыбкой говорил: «Как хорошо, что есть возможность, наконец, высказать все это!» ВСЕ? Конечно, никто не может высказать все. Но есть особые чувства, постоянно сдерживаемые и подавляемые, и они преграждают поток жизни. Дело не только в том, чтобы признаться в вещах, которых мы стыдимся; часто приходится говорить о каком-нибудь небывалом личном впечатлении, когда нам вдруг, разом открывается нечто настоящее и ценное, та внутренняя вера, в свете которой вся жизнь приобретает смысл.

Не часто удается людям вот так открыть друг другу свои сердца, даже супругам или близким друзьям. Когда я начинаю расспрашивать человека, только что сказавшего мне то, что он не решался сказать никому, он отвечает: «Я боялся, что меня не поймут». Вот оно: он почувствовал, что его поняли, и ощущение такого понимания поможет ему жить, не бояться любых трудностей и при этом не лгать самому себе. Для него это момент истины, уверенности в себе, глубокого эмоционального потрясения; для него – но ведь и для меня! Я понял его не одним только умом, но и сердцем. Я тоже не буду уже тем, чем был прежде. Таинственный отклик, прозвучавший в нас обоих, – личный контакт, и он вверяет нас друг другу.

И тогда нам обоим приходит в голову одно и то же: ведь такими и должны быть отношения между всеми людьми? Несмотря на то, что сейчас это встречается нечасто. Несмотря на то, что сейчас, как говорит д-р Жан де Ружмон, человек ищет человека и в то же время бежит от него.

Мне удалось понять, насколько одинок современный человек. Настоящий диалог – редкость; в общении каждый придерживается собственной позиции; мысли, не соприкасаясь, проносятся одна мимо другой, как случайные про-

хожие. В прекрасной книге «Открытие самого себя» (*Découverte de soi*) философ Жорж Гюсдорф замечает, что в жизни большинства людей есть «сокровенные мгновенья» – пальцев одной руки достаточно, чтобы пересчитать их, – мимолетные секунды, определяющие жизнь на десятки лет вперед.

Гюсдорф подчеркивает, что в такие моменты всегда происходит какая-то неожиданная встреча. Откровенный разговор, фильм, спектакль, проповедь, незабываемый миг зачарованности музыкой или природой, книга – каждый раз это встреча. За мыслями, идеями мы ищем человека. Идеи могут быть интересными, спорными, – и вдруг мы наталкиваемся на фразу, которая задевает нас за живое. Это встреча, и в этом жизнь. Я ощущаю это особенно остро, когда встречаюсь с незнакомыми мне читателями в какой-нибудь далекой стране. Они цитируют меня, порой что-то написанное мимоходом, чему я тогда не придавал особого значения, но этого достаточно, чтобы между нами установилась прочная связь.

Вот почему подобная книга оправданна. Может случиться, читатель наткнется в ней на какое-нибудь замечание, которое поможет ему жить, даст почувствовать, что кто-то понимает, чем живет его душа. Ведь в поиске самой сердцевины жизни – личного контакта – каждый из нас одинок.

Сила чуткости и сила безмолвия

Интервью ежемесячнику *Ченджер*,
опубликованное в феврале 1984 года

В наше время врачи – самые занятые люди. Тем более важно, что именно врач напоминает нам о значении безмолвия, медитации. Вы занимаетесь медитацией вот уже пятьдесят лет без перерыва. Почему?

Современному человеку не хватает безмолвия, тишины. Он уже не хозяин своей жизни, а песчинка в вихре событий. Он находится в состоянии как бы гонки со временем. Я думаю, многие приходят ко мне именно затем, чтобы встретиться с тихим, спокойным человеком, умеющим слушать, который не беспокоится без конца о том, что делать дальше. Если твоя жизнь заполнена до краев, в ней уже больше ни для чего нет места. Даже Бог не может ничего в нее добавить. Тогда неизбежно приходится от чего-то отказываться. Проще я выразить не умею.

Можно ли дать определение безмолвию?

Очень трудно. Для меня это прежде всего ожидание. Я

Интервью с Jean-Jaques Odier, опубликованное в ежемесячнике *Changer* в феврале 1984 г.

жду, чтобы Бог заострил мой ум, привел в движение мои мысли и тем обновил меня, чтобы я стал творческим существом, а не тем, что апостол Павел называет кимвалом бряцающим. Это краеугольный камень моей жизни. Это попытка увидеть людей и их проблемы с точки зрения Бога, насколько это возможно, конечно.

Каков был ваш первый опыт медитации?

Целый час старался услышать Бога и не услышал ровным счетом ничего!

Такое обескуражило бы кого угодно. Но не вас?

Меня это только подхлестнуло. Да неужели я неспособен на такую малость? Меня привлекала мысль прислушаться к Богу. Это уже не просто безмолвие. Оно перестает быть самоцелью, а становится средством. Самое ценное здесь – возможность через мысли, возникающие в моем мозгу, и врожденные подсознательные способности воспринимать мысли, приходящие от Бога.

После этой первой неудачи, или первого испытания, вы не оставили своих попыток?

После этого мои занятия медитацией часто казались довольно бесплодными. В голову приходит мысль, что надо сделать какой-то шаг, может быть, написать письмо. Следует честно признаться, что нам нередко не хочется делать самые простые вещи, хотя мы знаем, что делать надо. Если мы сумеем понять причину такого нежелания, мы уже на пути к самораскрытию. В этом ценность медитации.

Похоже на психоанализ. Кто открыл ценность молчания?

Фрейд. Это он выявил его великую силу. В ходе психо-

анализа есть момент, когда пациент ощущает, как над ним страшным грузом нависает молчание. Ему нестерпимо хочется, чтобы врач что-нибудь сказал. Безмолвие способно заставить нас углубиться в себя. Это явление было хорошо известно Иисусу Христу, он уходил в пустыню и проводил там ночи напролет. Знал о нем и апостол Павел, и все мистики. Это связано с перестройкой личности, которая ведет к выявлению глубинных внутренних побуждений.

Может ли молчание быть важной составляющей в жизни неверующего?

Разумеется. У молчания есть психологическая сторона. Для меня оно означает внимать Богу, а для другого может быть путем углубленного самопознания.

Мне часто случалось делить молчание с другими. Могу сказать, что лучше других воспринимают это люди наименее развитые. Простой крестьянин, решившийся прислушаться к Богу, через пять минут выложит вам все свои проблемы так, как не сумеет и профессор-философ. Дети тоже воспринимают мгновенно. Наружу выходит голая правда. Мы ведь имеем дело с простыми вещами, а современный человек разучился их понимать.

Так что же, интеллект может быть в каком-то смысле помехой?

Еще бы! Это и в медицине так – интеллектуалов лечить труднее всего. Недаром Христос сказал, что мы должны быть, как дети. С другой стороны, интеллектуалу, прошедшему через глубокий духовный опыт, есть что предложить другим.

Недавно в своей лекции вы сказали, что медитация помогла вам выяснить «безграничность личных проблем», с которыми сталкивается почти каждый. Как вы пришли к осознанию этого?

Люди поверяют нам свои проблемы в той мере, в какой мы готовы слушать. Это наш барометр. Способность предоставить им себя в большей степени зависит от дисциплины медитации, когда мы выносим наши человеческие взаимоотношения перед лицом Божье, чтобы легче было навести мосты между нами.

Вы только что сказали о совместной медитации. Нет ли тут опасности, что вы станете внушать другим свои мысли?

Чем больше я убеждаюсь, как важно понять волю Божью в отношении себя самого, тем больше сомневаюсь, что можно понять, какова она в отношении других. Сколько нетерпимости, сколько злоупотреблений это порождает! Те, кто претендует на знание воли Божьей, начинают диктовать ее другим. Такая самонадеянность исходит из убеждения этих людей, что им вверен кладезь божественной истины. Я всеми силами стараюсь избежать подобной ошибки. Мне не дано знать, каковы желания Бога в отношении другого человека. Даже в психоанализе врачи обычно предпочитают, чтобы пациенты сами делали свои собственные открытия. Если врач начинает предлагать свои версии, он почти всегда сбивается с верного пути.

Согласен, диктовать людям, что им следует делать, нехорошо, но можно ли, тем не менее, помочь им преодолеть ментальные барьеры?

Помогать другим преодолевать их собственное сопротивление я могу лишь в той мере, в какой сам способен справиться с нежеланием признать правду о себе.

Хотелось бы еще сказать о роли молчания в супружеских отношениях. Для нас с женой это было принципиально важно. В молчании можно думать о вещах, которые нелегко высказать, которые могут быть не поняты или не при-

няты. В молчании эти опасения теряют силу. Без этих пауз мы привыкаем признаваться лишь в том, что принимается с благосклонностью, а не в том, чего мы стыдимся. Для нас двоих медитация стала дорогой к настоящему познанию друг друга. Многие супружеские пары считают, что открыто говорят между собой обо всем на свете, но они заблуждаются. Даже в совместной молитве могут оставаться ментальные заповедные зоны, мешающие подлинной открытости друг другу. В медитации же происходит взаимопроникновение, какого никаким другим способом не достигнешь.

Проводить время в молчании по утрам кажется так трудно. Можно ли привыкнуть к этому, чтобы оно воспринималось как нечто совершенно естественное?

Я очень часто заставлял себя делать это прямо-таки усилием воли, просто чтобы не отступить от принятого мной правила. Да, иногда приходится принуждать себя, чтобы не упасть в собственных глазах. Так бывает в периоды духовного упадка. А потом все возвращается в естественное русло; наступает как бы второе дыхание, и уже не надо прибегать к помощи тщеславия.

Известно, что вы не любите давать рецепты, но все же не могли бы, хотя бы в общих чертах, объяснить, что такое типичная медитация?

Я медитирую письменно. Это подходит не всем. Некоторые говорят, что стоит взять в руки перо, как тут же пропадает всякое желание медитировать, и все происходит машинально. А меня это очень устраивает, потому что раньше у меня была склонность во время медитации впадать в мечтания, а процесс письма мне этого не позволяет. Беспредметное созерцание может быть приятным занятием, но оно не имеет отношения к реальности. И еще: записывать мысли – как вбивать гвозди, это придает им основатель-

ность. Это повышает нашу ответственность.

Направляете ли вы ход ваших мыслей сознательно?

Как можно меньше. Бог мыслит иначе, чем мы. А все дело в том, чтобы сделать этот огромный скачок от наших мыслей к мыслям Бога.

И последнее. Как выделить волю Божью из всей сумятицы, которую создает наше воображение?

Самое главное – терпение. Если позволите, я поделюсь собственным опытом. Я одно время собирался оставить медицину и стать проповедником. Для меня это было очень заманчиво, но жена не соглашалась. Понимаете, нелегко точно узнать, какова воля Божья. Несколько месяцев мы пребывали в полной растерянности, временами я даже впал в отчаяние, пока, наконец, не пришел к убеждению, что, не оставляя медицину, должен внести в нее свой духовный опыт. И все вдруг встало на свои места: это был не компромисс, а синтез. Это было не преобладание одного или другого взгляда, а новый путь, самый плодотворный. Это и есть созидание. Я рад об этом сказать, потому что на моем примере наглядно видно и то, как важно позволить Богу направлять нас, и то, как это трудно. Самое главное – терпение. Обычно, когда Бог являет Свою волю, она становится очевидной и признается всеми. К сожалению, это случается довольно редко. Хорошо бы почаще. Но тогда мы стали бы такими самонадеянными...

Обзор

Выдержки из звукозаписи, сделанной во время встречи с молодежью в 1981 году

Больше всего в жизни я ценю неожиданную встречу лицом к лицу: с другими людьми, с конкретным человеком, с идеей, с природой, оказаться лицом к лицу с Богом, который стоит за всеми этими встречами. Эльзасский философ Гюсдорф однажды сказал, что когда в старости окинешь взглядом свою жизнь, то обнаружишь в ней особые поворотные моменты, и каждый обязательно связан со встречей лицом к лицу. Его предшественник Шарль Секретан, уроженец швейцарского кантона Вод, считает, что вся его философия сформировалась в тот момент, когда он задумчиво любовался пейзажем с террасы церкви в Монтрё.

И в моей жизни новые повороты случались в результате неожиданных встреч. Мой отец был пастором и поэтом. Когда я родился, ему было семьдесят, и через два месяца он скончался. Я остался с мамой и старшей сестрой, но мама умерла, когда мне было шесть лет. Я замкнулся в себе, дичился людей, всего боялся. Сейчас кажется, что читать лекции и входить с самыми разными людьми в тесный контакт для меня – естественно. А тогда все было совсем наоборот. До крайности закомплексованный ребенок, со всевозможными отклонениями от нормы, я был не способен ни с кем общаться, оставляя за собой не больше следа, чем

Выдержки из бесед с молодежью в Блоне и Труанэ, 1981 г.

мимолетняя тень. Если я вступал в общий разговор, наступало неловкое молчание. Мое детство прошло в полном духовном одиночестве и с ощущением собственной никчемности. С тех пор я встречал немало людей с тем же чувством – что они не существуют или не заметны для окружающих.

Когда мне было шестнадцать лет, один из учителей догадался, что этому странному пареньку необходим человек, который протянул бы ему дружескую руку. И он сделал этот шаг. Учитель пригласил меня к себе домой. Это была моя первая нежданная встреча. Смущаясь и благоговей, я прошел в его небольшой кабинет, где все пространство стен от пола до потолка занимали книги. Я не знал, что сказать. Позже я сообразил, что и он, скорее всего, не знал, с чего начать разговор. Учитель сделал для меня нечто жизненно важное. Через него я начал существовать. Я был для своего учителя не школяром, а личностью рядом с другой личностью. Обычно каждый из нас играет в жизни некую роль, которая определяет тот или иной вид функциональных отношений. Личностными я называю такие взаимоотношения, когда мы не врачи или пациенты, не учителя или ученики, а личности.

С этим учителем у меня сложились очень близкие отношения. Несколько лет подряд каждую неделю я приходил к нему домой. Первое приглашение, что мы с женой получили после свадьбы, было от него. Он преподавал греческий язык, так что философия была его жизнью, и мы вели долгие интеллектуальные беседы. Однажды я вдруг понял, что могу выйти к людям со своими собственными мыслями. Я стал участвовать в дискуссиях, а, поступив в университет, основал «Генеральную ассоциацию студентов», стал президентом центральной секции Союза студентов в Зофингене. Как представитель Красного Креста я участвовал в репатриации русских пленных. Я был инициатором движения «За возврат к Кальвину», которое вызвало больше бурь, чем умиротворения в церкви Женевы. И все же в глубине души я понимал, что мне чего-то недостает. Пре-

ображение, поворот судьбы, нежданная встреча вывели мою жизнь в мир идей, но результат получился не очень плодотворным. И тогда произошла моя вторая встреча.

Весной 1932 года в Женеве проходила Конференция по разоружению. Я был в то время секретарем Женевской консистории Реформатской церкви, и ко мне обратился Фрэнк Букман¹ с просьбой провести в соборе Св. Петра службу для участников конференции. К письму была приложена рекомендация от моего друга, пастора Жана де Соссюра. Я стал советоваться с председателем Консистории и сказал ему:

– По-моему, это американцы, но поскольку за них ходатайствует Соссур, мы можем без колебаний пустить их в собор.

Итак, я разрешил иностранцам служить в соборе, но сам на службу не пошел. Я и помыслить не мог, что их акция окажет на меня столь сильное влияние.

На время летних отпусков я и доктор Анри Мента подменяли друг друга, и я поехал навестить одну из его пациенток в гинекологическом отделении в Маланью. Это была жена немецкого журналиста, аккредитованного в Лиге наций. Приехав на место, я осведомился, где находится нужная мне палата.

– О, – ответил регистратор, – вы к баронессе? С этой дамой вам придется нелегко!

Так и вышло. Уходя, я заметил регистратору:

– Можно было бы и не предупреждать – с первого взгляда видно, что это на удивление тяжелый человек.

С мужем она обращалась, как со слугой, была капризна и эгоистична до безобразия.

Как-то раз, уже осенью, Мента спросил меня:

– Помните баронессу?

– Еще бы, – ответил я. – Как я могу забыть?

– Так вот, знаете ли, она изменилась.

– Этого не может быть!

¹ Основатель “Оксфордской группы” и “Нравственного перевооружения”.

– И все же это так. Она пришла ко мне посоветоваться о состоянии здоровья одной из своих служанок. Была ужасно озабочена. Невероятно!

Мы с Мента были членами группы, которую он основал за семь лет до того, под названием «Обеспокоенные сыны церкви». В нее входили как прихожане, так и пасторы, стремившиеся пробудить в церкви новую жизнь. Мента спросил меня:

– Вы не думаете, что надо спросить ее, что с ней случилось?

Через несколько дней он принес новость: баронесса вместе с мужем принимала участие в каком-то совещании в Эрматингене, что в кантоне Турго, и, по ее собственным словам, оно изменило ее жизнь. Совершенно очевидно, дело заслуживало того, чтобы присмотреться к нему. Я спросил, нельзя ли попросить баронессу взять нас с собой, чтобы познакомиться с этими людьми.

– Это нечто вроде Армии спасения для богатых, – ответил мой коллега.

Баронесса согласилась организовать встречу, но договориться о месте ее проведения должны были мы сами. Собрания «обеспокоенных сынов» часто проходили в доме мэтра Анри Некера, потомка знаменитого банкира.² Это был очаровательный человек, очень религиозный. Он владел великолепным особняком рядом с резиденцией французского посла, роскошным, с целой галереей старинных портретов. Встречу назначили на 23 ноября 1932 года. Мы пригласили «обеспокоенных сынов» и несколько связанных с ними пожилых людей, которых мы называли «обеспокоенными дядюшками». Кто еще собирался прийти, мы не имели ни малейшего представления.

Из Цюриха специально приехали три профессора: историк Теофиль Сперри, богослов Эмиль Бруннер и психолог Альфонс Мэдер. Присутствовал высокопоставленный чиновник Лиги наций, ответственный за финансовые дела

² Жак Некер (1732-1804), банкир, министр финансов Франции, уроженец Женевы.

Австрии, Ян де Бордес. Стремясь к реформированию церкви, мы хотели у них поучиться и расспрашивали об их методах и результатах работы. Их ответы меня глубоко разочаровали, и я сказал:

– Мы просили у вас хлеба, а вы дали нам камней.

Методов у них не было никаких, что же до результатов, то они выражались в откровениях о просроченных налогах и прочей подобной чепухе.

Но однажды Ян де Бордес рассказывал о медитации. После заседания я подошел к нему и спросил, сколько времени он ей посвящает ежедневно.

– Когда как, – ответил он.

– А поточнее?

– Ну, в среднем час. Иногда больше.

Наутро я поднялся на час раньше обычного и тихонько, чтобы не потревожить жену, прокрался в свой кабинет. Я положил перед собой часы и сказал себе: «Буду медитировать час, посмотрим, что выйдет». Время от времени я поглядывал на часы, и, когда час прошел, оказалось, что не вышло ничего: я ничего не услышал. Я надел часы и подумал: «Сдаваться нельзя». И тут же меня осенило, что это, может быть, и есть мысль, посланная мне Богом. И я не сдавался.

Так я впервые соприкоснулся с движением, пустившим корни в женевских международных кругах, основная идея которого была простой: мировые проблемы – на самом деле личные проблемы. Я любил поговорить о глобальных проблемах, а Ян де Бордес, человек масштаба ООН, заставил меня посмотреть на самого себя. Я занимался церковными делами, а личного опыта веры, общения с Богом не имел. Самого де Бордеса, как и всех его соотечественников-голландцев, воспитывали как христианина, но он пережил кризис. Пригласив меня к себе домой, он заговорил на очень личную тему – не о Платоне и прочих философах, а о том, как из христианина по воспитанию он сделался христианином по убеждению. Услышав призыв Бога, он предпринял совершенно конкретные шаги, чтобы преодолеть хаос,

царивший в его жизни. Что я мог сказать в ответ? Надо было говорить о себе, и вот впервые в жизни – а мне уже было тридцать два! – я заплакал горькими сиротскими слезами, копившимися во мне с самого детства.

Дыхание Духа Святого ощущалось тогда над Женовой, и многие почувствовали его на себе. Оно сильно коснулось и церкви, где, например, вместо непрерывного говорения, стали, под влиянием нашей группы, вводить периоды молчания.

Вспоминаю господина Мориса Тудикума. Мы с «обеспокоенными сынами» организовали тогда службы в соборе по четвергам для тех, кто по воскресеньям уезжал кататься на лыжах. По этому поводу поднялась целая буря, нас обвиняли в том, что мы нарушаем единство воскресного богослужения. Я отправился к Тудикуму, который был президентом лыжного клуба, и попросил его подписать петицию. Он ответил:

– Какая подпись, если я ни во что не верю!

Спустя несколько лет я видел, как тот же самый Морис Тудикум на митинге в Веве встал и заявил: «Я понял! Я должен подписать с Богом контракт на чистом листе, и пусть Он вписывает туда, что пожелает!» Вот это убежденность. Впоследствии Тудикум взялся за составление списка погибших в газовых камерах второй мировой войны.

Или, скажем, профессор богословского факультета Гамберт. Во время Конференции по разоружению он встречался с Фрэнком Букманом и потом рассказал мне, что тот предложил ему помедитировать вместе. «Я всегда думал, – сказал Гамберт, – что медитация – это когда закрываешь глаза и сидишь молча. Но у него глаза были открыты, и он все время писал. Позже мне посоветовали пригласить несколько человек к себе домой. Я сделал это с удовольствием, думал, что в конце меня попросят прочитать короткую молитву – но нет! Никто ни о чем не просил».

Когда Гамберт мне об этом рассказывал, в его голосе звучала ирония профессионального богослова. Но и он изменился. Я встретил его снова незадолго до смерти. Чуть

ли не накануне он поднялся на соборную кафедру, чтобы засвидетельствовать свою изменившуюся жизнь. «Я был старшим братом блудного сына», – признался он. Кажется, это была его последняя проповедь.

В 1937 году в моей жизни произошел еще один крутой поворот. На совещании в Оксфорде Фрэнк Букман сказал, что в общественной жизни мы должны применять те же принципы личного поведения, которым привержены в жизни частной. Я решил посвятить себя изучению того, как духовная и нравственная сторона жизни влияет на здоровье человека. Начал я с обсуждения этой идеи с коллегами. Как-то мы с Шлеммером³ провели полдня в кратере потухшего вулкана в горах Мондор. Он сказал: «Слушайте, почему бы вам не прочесть Картона⁴ и не попробовать? Меня именно он подвигнул перейти от узкоспециализированного подхода к восприятию человека в целом». Он много говорил о Картоне, который был его спасителем. Когда-то, еще студентом, он был поражен тем, как грубо и свысока обращался с пациентами больничным персоналом. Он подумывал уже бросить это занятие, когда встретил Картона, и тот возродил его веру в медицину. Меня и самого в то время привлекали идеи Картона – классификация темпераментов и типология, хотя с тех пор я пересмотрел эти понятия. Картон был теистом. Он считал, что миром управляют законы, которые нельзя нарушать безнаказанно, Бога же воспринимал как законодателя, а не как того, кто встречается нас лицом к лицу и общается с нами как личность с личностью.

В 1940 году я написал *Médecine de la personne*. Я раздал копии рукописи шестерым друзьям, и мы съехались в Берн, чтобы ее обсудить. Рукопись была черновая, и читать ее было, наверное, нелегко. Мента работал над ней, как титан, отмечая каждую страницу, где хотел бы что-нибудь

³ Д-р Андре Шлеммер, последователь Картона (см. след. сноску) в натуропатическом движении.

⁴ Поль Картон, французский врач, автор ряда книг по исследованию характера и натуропатической медицине.

убрать или добавить. Это была на редкость кропотливая работа, но меня ее результаты обескуражили. Медер, со своей стороны, посоветовал напечатать первую главу в медицинском журнале. «Если она вызовет интерес, – сказал он, – напечатаете вторую». То есть, иными словами: «Это не книга, так не пойдет». Несколько месяцев я провёл в отчаянно-подавленном настроении. Я видел, что в книге слишком много упущений, и в таком виде печатать ее нельзя. Однако, если принять все поправки, которые он предложил, это уже будет не мой труд. Я впал в такое состояние, что Нелли стала жаловаться подруге: «Что делать с Полем? Он в совершенном унынии. У него ощущение, что ему было повеление ее печатать, но он зашел в тупик». «Предоставьте Богу решать», – отвечала подруга. Тут вышел приказ о всеобщей мобилизации, и меня призвали. В армии, в свободные часы, я сумел собраться и снова взялся за перо. В сущности, я переписал всю книгу от начала до конца.

Похоже, что *Médecine de la personne* прочел Максенс ван дер Меерш. Он обличал пороки, негативно сказывающиеся на медицине и ее учреждениях, банальность многого происходящего в ней, закулисные интриги, «блат». Говорят, он сказал, что если бы прочел мою книгу до того, как написал *Corps et âmes*, его книга получилась бы другой. К сожалению, я никогда не встречался с ван дер Меершем.

Прошло сорок лет, мои книги переводят на десятки языков. Только в Японии я прочел двадцать пять лекций. Кстати о Японии. Налет на Перл-Харбор вовлек США во вторую мировую войну, а атомная бомбардировка положила ей конец. Уместно ли упоминать о таких вещах в Японии? Там мало кто говорит по-французски, так что переводить меня попросили университетских преподавателей, читавших лекции на этом языке. Говорить о войне я не решился – побоялся обидеть. Примерно середине моего турне, когда я уже прочел больше десятка лекций, в мою честь закатали прием. Меня возносили до небес, а я в ответ произносил нечто такое поверхностное и научное, что до сих пор

тошно. В ту ночь Бог разбудил меня: «Послушай, что это ты такое творишь, а? Приехал в Японию говорить о личных взаимоотношениях, а то, что у тебя больше всего на уме, прячешь. Ты же предаешь сам себя и свое дело!»

На следующий день переводчицей у меня была буддистка, специалист по французскому языку средних веков. Вместе мы отправились полюбоваться на гигантского Будду в Наре. Мы помолчали у статуи и потом пошли прогуляться. Я сказал себе: «Пора во всем этом разобраться. Спрошу совета у этой буддистки – и пусть он придет от Бога». Буддисты верят в Бога. Христиане отнюдь не владеют на Него монополией. Я предложил ей присесть на придорожный парапет и помедитировать вместе. Я ей рассказал о том, что меня тревожило – стоит ли мне говорить о таких деликатных вещах, как Перл-Харбор и поражение Японии в войне. С полчаса мы молчали, и потом я спросил мою спутницу, о чем она думает. «Война, поражение, атомная бомба, – ответила она, – все думают о них, но никто не говорит. Если вы станете говорить о них в любви, вас поймут и примут». Вечером я выступал в Кобе в переполненном театре. Люди сидели на ступеньках, яблоку было негде упасть. Я заговорил о Перл-Харборе, о поражении, о достопамятном заявлении императора Хирохито по случаю капитуляции: «Мы сейчас должны принять неприемлемое, преодолеть непреодолимое». Было слышно, как пролетит муха. Контакт налачился.

Я не собираюсь преуменьшать значение того интеллектуального воспитания, которое дал мне мой учитель классической древности; показав мне объективную, научную сторону жизни, он помог мне стать личностью. Но он не рассказал мне, что был разведен и что его дочь от первого брака не признала мачеху. Об этом я узнал со стороны. Да и я никогда не говорил ему о своем сиротстве. Чтобы преодолеть этот барьер, мы должны были установить новые отношения – личностные. Шли годы, мы встречались редко. Я начал писать. Когда напишешь первую книгу, тебя охватывают сомнения, – а стоит ли ее печатать? И я все

думал, кому показать рукопись, чтобы понять – хорошо ли написано, удалось ли донести до читателей свою мысль? Так я снова оказался в кабинете моего бывшего учителя, куда много лет назад вошел впервые, переполняемый чувствами. Я принялся читать ему рукопись. Дойдя до конца первой главы, я спросил:

- Продолжать?
- Продолжай, Поль.

Прочел следующую главу. Молчание.

- Продолжай, Поль.

Снова молчание. Во мне растет беспокойство. Не нравится? Вдруг он говорит:

- Поль, помолимся вместе.

Я знал, что раньше он был спиритуалистом, верил в существование безличного духа. Я спросил:

- Вы христианин?
- Да.
- Давно ли?
- Только что стал.

Это была Встреча Лицом к Лицу – с большой буквы. Мы молились вместе.

По всему миру можно встретить людей, которых кто-то вот так побудил к вере. Каждый из них нашел свой, особый, путь, но все они – чада одной революции. Их можно узнать по тому, что они говорят о реальности жизни, а не просто о теориях. Их интонация – личностная.

Обратимся к личным проблемам

Лекция, прочитанная в Ко в 1982 году

Очень волнующее ощущение – снова оказаться здесь, в столь памятном для меня месте, увидеть знакомые, дружеские лица. Я очень благодарен д-ру Марку-Андре Жаккотту за приглашение. Я бесконечно высоко оценил его книгу *L'horizontal et le vertical dans la pratique médicale* (Editions de Caux).

Вспоминая прожитое, я хотел бы посвятить этот вечер Фрэнку Букману. Я его очень любил и обязан ему всеми духовными переменами в моей жизни. Фрэнку Букману, всемирному движению, которое он основал, я обязан своим перерождением, преображением своего брака и семейной жизни. Ему же я обязан всей своей карьерой, новым направлением в концепции медицины, которое мне довелось разработать. Ему я посвятил свою первую книгу, *Médecine de la personne*.

Стивен Фут¹ сообщил мне, что один британский издатель готов издать книгу при условии, что я сниму посвящение Фрэнку Букману. Я отказался. Как можно снять по-

Лекция на медицинском семинаре в конференц-центре “За нравственное перевооружение” в Ко, август 1982 г.

¹ Автор книги *Life Began Yesterday* (Heinemann, London, 1935) (Жизнь началась вчера).

священие, которое на самом деле – выражение благодарности? Я поныне испытываю это чувство признательности.

Бог вдохновил Фрэнка Букмана, и через него, через его друзей и сотрудников и теперь через вас моя жизнь, по большому счету, принесла кое-какие плоды, и я сумел сделать так, чтобы этот голос услышали в сфере медицины, а не только на сугубо религиозных собраниях.

Около шестидесяти лет я практикую в Женеве. Весной 1932 года Фрэнк Букман приехал туда на Конференцию по разоружению Лиги наций. Именно тогда я впервые занялся медитацией. Вот уже пятьдесят лет я ношу в кармане блокнот для медитаций. Я не стану уверять вас, будто не пропустил ни дня. Пропускал, и часто, особенно вначале. Но с тех пор, как восемь лет назад умерла моя жена, я действительно медитировал каждый день. Это основа моей жизни и всего, что за нее удалось выполнить. Те, кто благодарил меня за мои книги, знают, что я прожил жизнь медитации, жизнь служения, жизнь личной встречи. Люди открывают мне свои сердца, и я получаю от них откровение о том, как безмерны проблемы, наполняющие жизнь каждого из них. Как-то раз, помню, я сказал себе: «Это ужасно; в жизни каждого человека без исключения есть страшные секреты, камнем висящие на душе. Мы, врачи, обследуем больных, ставим медицинские диагнозы, а на самом деле нужен диагноз совсем другого свойства». Я пришел к осознанию того, как сильно отражаются эти проблемы на здоровье человека. Болезнь далеко не так случайна, как мы предполагаем. Часто она не проявляется годами. Есть связь между состоянием здоровья и личными проблемами, которые люди постоянно носят в себе и хотели бы разрешить, да не знают, куда обратиться за помощью.

Вижу здесь моего старого товарища доктора Жаккотта-старшего. Мы учились на параллельных курсах в медицинском институте. Однажды мы с ним поехали в Салев, где у нас была ферма. Мы приехали, он увидел в курятнике свежие яйца и сказал: «Пойдем наберем грибов и сделаем

грибной омлет». Я подумал, что это займет много времени, но ошибся. Он взял корзинку, и мы отправились. Мы шли, и он все наклонялся и срезал грибы, все наклонялся и срезал... Его отец был инспектором по продовольствию и научил его разбираться в грибах. Я был поражен: корзинка наполнилась за десять минут. Я вглядывался в траву, но кроме нее ничего не видел. Мне тогда подумалось – и правда, каждый видит лишь то, что готов увидеть. Грибов было полно, но я их не видел, просто не умел видеть. Так и человеческая жизнь: она полна проблем, но мы не способны их видеть. В медицинских институтах мы изучаем патологическую анатомию, физиологию, симптоматику, психологию. Фундаментом нашей работы служит вся медицинская наука, а распознавать личные проблемы нас не учат.

Во всем мире работают тысячи и тысячи врачей, которые видят перед собой только объект научного исследования – и это, конечно, необходимо; можете мне поверить, я вовсе не против науки, совсем наоборот. Но это лишь видимая сторона Луны, объективная составляющая человека. А ведь есть и вторая составляющая. Большинство врачей интуитивно подозревают, что многие болезни являются отражением какого-то внутреннего кризиса, эмоционального стресса, семейного конфликта, жизненной неудачи – но как это выяснить? Врачи не знают, как помочь больному. И даже если тот выложит перед ними свои проблемы, что могут они сказать по этому поводу, что сделать? Ведь их этому не учили.

Так чем же можно помочь людям? Ясно, что не советом: совет они либо слепо принимают, либо отвергают. Ни в том, ни в другом случае пользы никакой. А помогает им то, что помогло мне, то есть встреча лицом к лицу с другим человеком, с тем, кто станет честно говорить с ними о собственных стрессах, о собственных трудностях, о собственных разочарованиях, о собственных слабостях и ошибках.

Присущий врачам страх столкнуться с проблемой, на которую они не знают ответа, не имеет оснований. Следует

только понять: чтобы помочь больному выздороветь, надо позволить ему выразить себя, раскрыть свои чувства. Самовыражение – путь к самоосвобождению.

Я работал терапевтом, семейным врачом. Я, бывало, думаю, что знаю о своем пациенте все, и вдруг он начинает говорить со мной на более глубоком уровне. А то, на каком уровне наши пациенты готовы говорить с нами, зависит от того, на какой уровень мы их допускаем.

Одна вещь особенно поразила меня с самого начала: диалектика бунта и смирения. Стрдание всегда вызывает бунт и протест, выход всегда находят в смирении и в принятии реальности, но абсолютно бесполезно внушать: «Смирись и прими все как есть». Наша задача – объяснить врачам, что признание реальности происходит через общение с людьми, которые сами пришли к такому признанию. Дело не в логической обусловленности, а в духовном контакте. Поэтому смирение пациентов может быть вызвано только нашим собственным смирением и признанием наших личных трудностей.

Есть один врач, который много, гораздо больше моего, сделал для понимания медиками важности личных проблем. Это Михаил Балинт, венгерский психоаналитик, бежавший от гитлеровского режима в Лондон. Когда я прочел его труды, я сказал себе: «Именно этим я и занимаюсь вот уже тридцать лет». Балинт обращается к врачам: «Вы все задаете пациентам вопросы. А все, что получаете в результате, – лишь досье, набор научной информации. Дайте им в кои-то веки высказаться самим, свободно, пусть говорят хоть час, если надо. Только они сами могут рассказать вам о своих личных проблемах».

С этого начинал и я. То и дело случалось, что пациент только разговорится, и я уже начинаю вникать в проблему, но времени нет, и я говорю: «Послушайте, сейчас, пожалуйста, не время, очередь ждет – приходите вечером ко мне домой, поговорим не как врач с пациентом, а как человек с человеком». А уж вечером у камина атмосфера совсем другая.

Но есть между Балинтом и мной одно отчетливое различие. Психоаналитики пребывают в сфере науки, они стремятся рассматривать проблемы с объективной позиции. Впрочем, надо признать, психоаналитики еще были ко мне снисходительны. Меня приглашали на встречи с ними, и они спрашивали:

- Какую процедуру вы обычно применяете?
- Не знаю, – отвечал я.
- Ну хорошо, каков ваш метод?
- Да нет у меня никакого метода!

Это их смущало. Их раздражало то, что я нарушаю один из фундаментальных принципов психоанализа – нравственный нейтралитет врача. Иногда я начинал рассказывать о своих личных переживаниях, даже о своей вере, а моих коллег это не устраивало, потому что шло вразрез с правилом номер один, которое выдвинул Фрейд и его последователи: мы должны служить экраном, на который пациенты проецируют все, что пожелают, но сам экран должен быть пуст. Человек рассказывает историю своей жизни, психоаналитик слушает, побуждает его высказать свои проблемы, но чего он не должен делать ни в коем случае, так это отходить от своей позиции объективного ученого, который все воспринимает, может быть, записывает, но сам молчит.

Таким образом, с самого начала существовала «проблема Турнье». И знаете, кто пришел ко мне на выручку? Профессор Флурнуа, один из первых швейцарских психоаналитиков, ближайший последователь Юнга и Медера. В статье, опубликованной в журнале «Интернешнл ревью оф сайкологджи» он написал: «Д-ра Турнье обвиняют в том, что он не соблюдает нейтралитета и даже иногда высказывает свои собственные суждения. Признаемся, что мы тоже все это делаем». Дальше он цитирует психоаналитика Шарля Одье: «Рано или поздно врач должен сойти со своего научного пьедестала и снова стать человеком». Это свидетельствует о том, что психоаналитики обладают широтой взглядов, свойственной далеко не всем христианам, и я в них это высоко ценю.

Но вернемся к Балинту. Он оставался в тени, но про себя очень хорошо понимал, что у врачей так много дел, так много пациентов, что выделить время для сколько-нибудь длительного разговора им удается только в исключительных случаях.

Недавно я прочел книгу, над которой он работал перед смертью и которую его вдова опубликовала под названием «Шесть минут на пациента»². Похоже, в Англии так оно и есть: среднее время, что врач уделяет пациенту, – шесть минут.

Балинт и его жена ставят вопрос: что может сделать врач, чтобы достичь в медицинской практике более глубокого уровня? Интересно, что они вводят в обиход новое выражение: «вспышка». Они не дают ему определения, слово говорит само за себя. Происходит внезапная вспышка, то есть подлинная встреча врача и пациента – лицом к лицу. И это не может быть чем-то рациональным, чем-то научным. Это впечатление, это ощущение, чувство – я бы назвал это сопричастностью. Право, время от времени приходит, иногда без единого слова, ощущение встречи – вспышка! Такое, говорят Балинт и его жена, не забывается. И вот они стоят на самом краю иррационального, а переступить рубеж не решаются, потому что им всегда внушали, что надо быть объективными.

В свете понятия вспышки Балинт постигает то, чего недостает медицине, нечто ненаучное, шанс для каждого человека вытащить на свет свои проблемы и попытаться жить по-другому. Это может случиться за секунду, даже во время шестиминутной консультации. Вмешивается какая-то сила, не поддающаяся объективному определению, но неизменно дающая ощущение подлинной встречи. Встречи двух – или трех? У Балинта всегда есть незримое присутствие Бога. Вспышка сама по себе, в себе самой носит элемент Божественной реальности, даже когда она происходит между неверующим аналитиком и неверующим паци-

² *Six Minutes for the Patient*, ed. Enid Balint and J. S. Norell (Tavistock Publications, London, 1973) (Прим. составителя)

ентом. «Не всякий, говорящий Мне “Господи, Господи”...» (Мф 7:21).

Вспышка не забывается – ни пациентом, ни врачом. Это живой опыт, это нечто прожитое, пережитое. Балинт, конечно, назвал бы это психологическим переживанием. А я утверждаю, что это переживание духовное. Это миг, когда говорит Бог, когда человеческие существа обретают свободу.

Как правильно заметил д-р Пол Кемпбэлл, люди боятся эмоций. Эмоция – это как раз то, что психоаналитикам труднее всего классифицировать. Это была и моя проблема. Я тоже боялся эмоций. Я рос сиротой и всегда подавлял свои чувства, скрывал их. Впервые в жизни я оплакал смерть отца и матери после общения с Яном де Бордесом, сотрудником международной организации. Это была вспышка, освободившая меня от психологического барьера.

Я стремился стать гуманным врачом. Я хотел нравиться. В общении с людьми я старался быть приятным, даже с оттенком отеческого покровительства. Большого успеха это не принесло. Если хочешь идти дальше, надо освободиться от себя. Я не понимал, что сам становился преградой на собственном пути. Итак, наша задача – помочь врачам бежать из их научного заточения. Это не значит, что им надо перестать быть учеными, но им следует понять, что медицина – не только наука.

Теодор Флурнуа, основоположник современного научного подхода, сказал: «Чтобы заниматься наукой, надо отбросить трансцендентное». В отношении науки это верно, но в практической медицине освободиться от него невозможно. Вспышка имеет отношение не только к психологической природе человека, но и к его религиозной природе. Я всегда вправе сказать себе: «Этот пациент послан мне Богом; у него проблемы, и не мне их разрешать, а Богу». Я должен его принять как гостя, должен быть готов встретить его лицом к лицу как человек человека. Для этого врач обязан сойти со своего научного пьедестала точно так же, как это делаю я во время вечерних бесед у камина, или как

проповедует Балинт и в своих многочисленных интервью, и в своих «вспышках», о которых рассказывали некоторые из его коллег, не всегда понимая, о чем идет речь. Все это, если разобраться, они сводят к личной преданности делу и людям.

Я считаю, что вспышка происходит только тогда, когда есть взаимодействие. Научный подход направлен не на обе стороны, а только на одну: здесь ученый врач, который знает все, а там больной, который не знает ничего. Представьте себе реакцию среднестатистического врача, когда пациент пытается с ним спорить и говорит: «А вот доктор такой-то считает совсем иначе». Да он просто выйдет из себя. Мы видим отчетливую асимметрию – врач знает и дает предписания, а больному остается только подчиняться. На этом пути вспышки невозможны. Вспышка может случиться только тогда, когда мы перестанем думать, что знаем больше пациента. Что касается патологии, мы, конечно, должны знать больше, чем пациент, но в отношении своей собственной болезни он знает больше нас.

Теперь мы подходим к проблеме, что же такое болезнь. Медицинский диагноз – дело объективное, научное. Но когда мы хотим добраться до смысла болезни, его должен обнаружить сам пациент. Чем больше больному заинтересован в том, чтобы понять смысл своей болезни, тем важнее сделать так, чтобы он мог выразить себя. При этом мы должны быть готовы вовсе не получить ответа. Не мне говорить больному, что значит его болезнь. Я могу только лишь говорить о моих собственных поисках смысла для самого себя.

Прежде чем взяться за такое трудное дело, как поиск смысла, важно понять, что ответ зачастую приходит задним числом. Бывает, пройдут годы, прежде чем пациент скажет: «Знаете, я все время думал об этих годах болезни и понял, что они неизбежно должны были привести к такому-то и такому-то исходу». И раз уж мы знаем, что смысл болезни часто выявляется далеко не сразу, то вера в то, что он у нее есть, должна появиться у нас в самом начале.

Смысл либо есть во всем, либо его нет ни в чем. Если смысл есть в мире вообще, то он есть и в отношении каждого из нас. Но тут уже нужны взаимоотношения не объективные, а совсем другие. Врач должен выполнять свою задачу как ученый, знающий то, чего не знает больной, но при одном условии: он должен признать, что есть вещи, которые больной знает, а он – нет, что проблемы, терзающие человека, гнетущие ему душу бессонными ночами, может быть, удваивают страдания, причиняемые собственно болезнью. Как часто люди говорят: «За что меня Бог так наказывает? Что я такого сделал?» Сколько больных приходило ко мне поговорить о проблеме вины, зачастую ложной. Я спрашиваю, отчего бы им не пойти к своему врачу поговорить об этом, и они отвечают: «А, ему вечно некогда».

В действительности дело не во времени, а в том, что должна измениться роль врача. Балинт тоже говорит пусть о минимальной, но абсолютно необходимой перемене в личности врача. Он имеет в виду всего лишь открытость, широту взглядов, позволяющую нам осознать присутствие личных проблем. Но нужны перемены более глубокие. Врачам надо научиться не только наблюдать психологические проблемы, но и отвечать взаимностью, то есть проявлять готовность открыть душу больному и рассказать о собственных проблемах. Вот что создает вспышку, основу подлинных и искренних взаимоотношений. Врачу очень трудно пойти на это, причем мужчине еще труднее, чем женщине.

Многие врачи искренне стремятся установить такие взаимоотношения. Они хотели бы поговорить – поговорить о личности больного; но вместе с тем можно говорить об этом всю жизнь, но так и не прийти к личным взаимоотношениям. Таким я объясняю: «Вы никогда не узнаете, что это за отношения, пока не откроете свою собственную душу».

– Вот оно что! И как это сделать?

– Давайте так: сегодня вечером расскажете нам о своей жизни.

Ближе к вечеру возвращаюсь и вижу, как коллега мает-

ся над чистым листом бумаги.

– Ну что, профессор, не получается?

– Мне абсолютно нечего сказать!

– Как! Вы прожили на свете сорок лет, и за это время ничего не произошло?

– Нет, ну как, у каждого случается что-нибудь эдакое, но я имею в виду, мне нечего сказать такого, чтобы было интересно.

Вот типичный случай подавления! Я пытаюсь помочь:

– Вы, кажется, потеряли сына, когда вам было двадцать?

– О нет, об этом я говорить не могу.

Как мы боимся эмоций!

Всему, что я вложил в свои книги, я научился у пациентов. Среди них были и такие, что специально прилетали, чтобы встретиться со мной и испытать еще раз чувство личного контакта и снова улететь. Какая невероятная нищета, какая пустота! Им нужен кто-то, к кому они могут прийти со своим личным кризисом, со своими сомнениями, кому они могут сказать все без утайки. Как часто люди на прощанье говорили мне: «Вот чего я искал все эти двадцать лет!». Такое многого стоит, и цена этому – наша готовность отбросить позу научности ради установления личного контакта. Это требует немалых усилий.

Недавно я побывал у одного немецкого коллеги, доктора Лехлера, в основанной им клинике близ Карлсруэ. Он много лет проработал в Америке в обществе «Анонимные алкоголики»³ – это тоже один из всходов, посеянных движением Фрэнка Букмана, – и потом сказал себе: «Не бывает только алкоголиков по части спиртного. Мы все алкоголики по части чего-нибудь». Есть алкоголики снотворно-

³ Основанное в 1935 г. в Нью-Йорке и распространившееся по всему миру содружество людей, собирающихся вместе на абсолютно добровольных и безвозмездных началах, чтобы помочь друг другу навсегда бросить пить. Единственное условие вступления – желание покончить с алкоголизмом. Методы – полное воздержание от спиртного, регулярные встречи, на которых люди делятся опытом и поддерживают друг друга, и выполнение так называемых “двенадцати шагов” к выздоровлению. (Прим. пер.)

го, алкоголики шоколада, алкоголики заседаний. Он попытался использовать метод «анонимных алкоголиков» на тех, у кого нездоровье стало проявлением того или иного рода рабства. В его клинике даже тем, кто уже двадцать лет не в состоянии спать без снотворного, говорят: «Лекарств у нас здесь нет». Через несколько дней они уже могут спать. Это, конечно, происходит не само собой, а потому что взамен снотворного им дают нечто другое. Что? Любовь. На меня это произвело сильнейшее впечатление. Пациенты получают наконец возможность выразить свои чувства, вступить в диалог. Там есть группа психиатров, работающих в теснейшем сотрудничестве друг с другом. Каждое утро они встречаются, обмениваются идеями, и когда кто-нибудь говорит, нельзя понять, врач это или пациент. Там царит атмосфера братства. В жизни не встречал я другого собрания, где бы люди говорили так открыто и свободно. Я и сам прочел из блокнота то, что записал во время утренней медитации. Стало очевидно, какую огромную роль в жизни человека играет его окружение. Обычно все боятся кого-то обидеть и так и стынут в своей вечной мерзлоте. Людям необходимо душевное тепло, любовь, — а от кого они должны прийти? Лехлер отлично знает, от кого. Однажды со своими психиатрами он целую зиму занимался изучением Библии, создавал свою команду. Теперь он проводит уроки Библии раз в неделю. Никто не обязан их посещать, но все посещают, и это определяет основу деятельности его клиники.

Вспоминается и другая история, ее мне рассказал мой друг Жан де Ружмон, хирург из Лиона. У него умер от саркомы сын, проведя год в больнице. Невыносимо хирургу наблюдать, как его собственный ребенок целых двенадцать месяцев неуклонно приближается к смерти. Прошло время, и в один прекрасный день, в той самой палате, где умер его сын, он увидел маленькую старушку, безутешно оплакивающую смерть дочери. Она в полном душевном разброде, без воли к жизни, онемевшая от горя. Он пытается утешить ее ласковым словом, но тщетно. Может, рассказать

ей о сыне? Это настолько личное!.. Наконец, он говорит: «Знаете, в этой самой палате умер мой сын». Назавтра старушка встала с постели, надела свое лучшее платье, шляпку, слегка напудрилась и вышла на улицу. Мой друг метко заметил: «Она была похожа на часы, которые остановились, когда умерла ее дочь».

Из таких драматических эпизодов состоит реальная жизнь каждого врача, во всяком случае, их гораздо больше, чем вы думаете. Многие врачи сами пережили горе, многие изо всех сил стараются сохранить людям их семьи, в то время как их собственная на грани развала. Надо видеть вещи такими, какие они есть. Решение только одно – помогать друг другу уяснять для себя наши проблемы, быть искренними, уметь говорить вслух о перипетиях нашей собственной жизни, о наших собственных сомнениях, трудностях, заботах.

Я должен признаться, что боюсь встречаться с больными людьми, потому что у меня нет никакой особой техники. Ах, если бы была! Тогда я только и должен был бы нажимать на кнопки. Но то, что происходит, происходит внутри нас, а «внутри нас», значит, между нами и Богом. И вот, когда мы в безмолвии прислушиваемся к Богу, как бы трудно это ни было, тогда мы и начинаем понимать проблемы, которые были препятствием на пути к настоящему общению с другими. Значит, лечение человека как целого – это не только лечение личности больного, но и лечение личности врача.

Можете ли вы представить себе, что пациент, избавившись от своего рабства, как вы только что говорили, будет помогать другим пациентам, и таким образом результаты работы врача станут в какой-то мере распространяться дальше?

Я широко применял такую практику. Я часто доверял своих больных попечительству бывших пациентов, и это нечто ни с чем не сравнимое. Ведь освободить других мо-

гут только те, кто освободился сам. Медер говорил о личности врача как о лекарстве, а здесь у нас лекарством становится личность самого пациента. Так что, да, я использовал это, и особенно в групповой терапии. Это действительно очень хороший метод.

Вы сказали, что мужчинам труднее выразить свои внутренние ощущения, чем женщинам. Как может женщина помочь своему мужу облегчить душу, но так, чтобы это не выглядело, будто она хочет быть главной и устранивать за него все дела?

Да, вы сами знаете, как это бывает. Человек приходит с работы, на его лице печать дневных забот. Жена обнимает его и говорит:

– В чем дело, дорогой?

– Ни в чем.

Через какое-то время она говорит:

– Но, дорогой, ты только взгляни на себя! Что-то не так! Я вышла за тебя, чтобы быть вместе в беде и в радости. Я хочу тебе помочь, я люблю тебя. Ну, скажи же, что-то не в порядке?

– Да все в порядке.

Они садятся за стол, мать приказывает детям соблюдать тишину.

– Папа очень устал, – говорит она, – он так много работает, чтобы мы могли покупать все эти вкусные вещи.

Детей отправляют спать, и муж и жена остаются один на один.

– Итак, – произносит она, – говори, что произошло?

– Я уже сказал. Хватит вопросов, они меня нервируют. Это просто твое воображение.

Мужчины всегда так говорят: это просто твое воображение. Теперь все – чем больше жена спрашивает, тем больше упрямства проявляет муж, отказываясь отвечать.

Так что вы задали очень важный вопрос. Не счесть, сколько раз женщины говорили мне в моем кабинете:

– Мне никогда не удастся откровенно поговорить с мужем.

Я встречаюсь с мужем и говорю:

– Ваша жена сказала, что ей никогда не удастся поговорить с вами по-настоящему.

– Да вы что! Она не в своем уме. Мы говорим буквально обо всем.

И это правда, они обсуждают все – но безличностно. Мы подошли к тому барьеру, о котором я уже упоминал. Говорят об Афганистане, о ценах на картофель, о монетаризме, о карьерах детей, об их школьных докладах – собственно, обо всем на свете, но ни о чем личном. Так живут многие супружеские пары. Чем сильнее жена хочет откровенного разговора с мужем о его опасениях, надеждах, трудностях, тем больше он замыкается в себе. Это было и со мной. Я постоянно поучал жену, объяснял ей всякие научные, психологические штуки, а ее, по сути дела, никогда не слушал.

Во многих семьях, как правило, разглагольствует жена. Женщины иногда говорили мне:

– Я могу говорить и говорить с мужем весь вечер, а он ни слова в ответ. Уткнется в свою газету, а когда я время от времени прервусь, спрошу, слушает ли он, он отвечает: «М-м-м», ну я и продолжаю.

Я начал по-настоящему слушать жену, когда мы медитировали вместе. Я всегда жил в объективном мире науки, а поскольку она была меньше связана с нею, я поставил перед собой цель ее образовывать. Надо сказать, она была хорошей ученицей, но мне ни разу не пришло в голову, что и она может научить меня чему-то. Именно в процессе медитации я стал по достоинству оценивать то, что она говорила, а также давать ей возможность выразить себя. Собственно, вот Вам настоящий ответ на Ваш вопрос, если только Вы на это способны. Но Вы хотите знать, что делать, если нет возможности заниматься медитацией. На это отвечу – тогда трудно. Женщинам надо отдавать себе отчет, в какой мере они нуждаются в Божьей помощи.

Я встречал немало супружеских пар, которые начинали медитировать вместе, но через некоторое время бросали. Иногда один из них продолжал, но вместе уже не получалось. Каждый раз я старался докопаться до причины. И почти всегда причина была в том, что жена начинала давать мужу советы. Вы понимаете, о чем я: муж на работе сталкивается с множеством ответственных задач и сложных проблем; и вот он приходит домой и позволяет себе кое-что рассказать, скажем, о стычке с одним из служащих. Жена и говорит:

– На твоём месте я бы его тут же вышвырнула.

После этого о своих неприятностях он больше не заговаривает.

Мой врачебный опыт подсказывает, что женам не следует усердствовать сверх меры, выживая из мужей их секреты, а нужно очень хорошо осознавать, с какими трудностями многим из них приходится сталкиваться, и, если это возможно, оставить все на усмотрение Бога и просить Его помощи и руководства.

Обо мне говорят как о человеческой личности, но уважению к личности научила меня именно моя жена. Уважение – это признание подлинного равенства, такого равенства, при котором жена вносит в семейный союз столько же жизненно важного, сколько и муж, и ее роль не ограничивается пришиванием пуговиц и приготовлением вкусной еды. Многие мужья воспринимают речи жен как музыкальный фон. Часто шутят о болтливых женщинах, но они таковы потому, что мужчины их не слушают. Когда женщина произносит: «Мой муж говорит... мой сын говорит... мой отец говорит», для нее этим сказано все, ибо то, что говорит мужчина, женщина воспринимает всерьез. Обратное верно отнюдь не всегда. Я считаю, что мнение женщины имеет в обществе гораздо меньше веса, по крайней мере, на уровне серьезных интеллектуальных дискуссий, чем мнение мужчины. Причина в том, что эмоциональная сторона мужской природы полностью подавлена.

Сейчас мы как бы стремимся все больше и больше дробить время. Вы говорили о шести минутах на пациента; мой доктор уделяет каждому двадцать минут, и даже этого оказывается недостаточно. Как по-вашему, эта спешка, эта фрагментация времени – обратимы?

Я увеличиваю время своих консультаций и могу себе это позволить, в отличие от массы врачей, которые с удовольствием заводят себе все новых и новых пациентов. Я у коллег в большом фаворе, потому что не завистлив. Старые врачи, жалующиеся на то, что больные толпятся у кабинетов их более молодых коллег, лучше бы не роптали, а уделяли больше времени тем больным, что у них есть. Препятствия на самом деле лежат не столько в обстоятельствах, сколько в сердцах людей. Нет, обстоятельства, конечно, тоже важны, но, по-моему, шесть минут на пациента – это своего рода уход от вопроса. Виновата система в целом. Можно сто раз принять пациента и не углубиться на миллиметр. Сложить все эти шестиминутки, неделю за неделей – сколько времени уходит впустую! Один единственный час настоящего, углубленного разговора – и можно докопаться до самой сути проблемы. Возьмем, к примеру, известные гинекологические недомогания: женщина лет двадцать может ходить на прием каждую неделю, а вся причина в супружеских проблемах, которые можно разрешить за два-три часа настоящего диалога.

Иногда пациент говорит шифровкой. Если он спрашивает: «Ну что, доктор, это серьезно?», он на самом деле имеет в виду: «Доктор, я умру? Я бы хотел поговорить о смерти». Что отвечает доктор? «Сделаем еще один рентгеновский снимок». Я не собираюсь подтрунивать над коллегами – всевозможные исследования, бесспорно, необходимы; я только хочу сказать – насколько проще провести обследование, чем войти в подлинный диалог!

Все ли болезни органического характера имеют психологическую или духовную причину?

Ни в коем случае. Впрочем, могу сказать, что на моих глазах в медицине произошла невиданная перемена. Когда я был молодым врачом, психосоматическое начало признавали главным образом у типичных заболеваний, например, язвы желудка. Постепенно его начинали находить у ряда других болезней, особенно у туберкулеза. Помню, как я изумился, когда один американский врач впервые высказал мне предположение, что психологические причины могут быть у ревматизма. А лет десять назад другой американский коллега спрашивал меня, не может ли рак иметь психосоматический характер.

Раньше врачи полагали, что психологические проблемы играют ту или иную роль в одном-двух процентах случаев. Ныне слышишь цифры – девяносто пять процентов, девяносто восемь, и это относительно болезней органического характера. Говорят, у всех у нас внутри масса микробов. Почему какие-то из них вдруг становятся активны? Благоприятные условия для их развития мог создать кризис совести.

И все же надо быть осторожными в обобщениях; мы не можем сказать, что все болезни – психосоматические. Самый простой пример – перелом (хотя можно задаться вопросом: «А почему человек упал?»). Воздержимся от роли судей, решающих – вот это соматика, а это психика. Откажемся от свойственных науке притязаний на то, что все можно классифицировать, и будем стараться помочь, не забываясь сверх меры о диагнозе. Ведь Юнг показал, что в психологии диагноз в общем-то не очень важен.

Считаете ли Вы, что описанный Вами тип отношений между врачом и пациентом или между мужем и женой должен стать нормой жизни для всех нас?

Да, считаю. Часто случается, что после вспышки наступает чудесный миг, когда вы смотрите друг на друга, и пациент говорит:

– Как хорошо, что есть возможность наконец высказать все это!

Иногда я отвечаю:

– А что, такой и должна бы быть жизнь.

Такой должна бы быть жизнь по крайней мере людей, которые знают друг друга, скажем, мужа и жены, которые дали обет сделать свой брак счастливым. Вспышка дает нам нечто вроде отражения того, какой по-настоящему должна быть жизнь человеческих существ. Это как бы предвкушение, которое дается нам лишь изредка, может быть один-два раза за всю жизнь, в совершенно особые ее моменты, но после них наша жизнь уже никогда не будет той, какой была раньше, – это мы и называем переменой.

Создается впечатление, что молодое поколение сильно подвержено психологическим расстройствам. На днях одно юное существо сказал мне: «Я горжусь тем, что я депрессант». Может быть, это один из пороков современного общества, которое и приводит людей к тому, что они гордятся своей болезнью?

Каждый гордится тем, чем может. Школьник, который не может быть первым в классе, с удовольствием станет последним, потому что тогда он не будет просто «никто». У каждого есть хоть немного гордости, и это проявляется во всем. Я думаю, что нынешняя молодежь – жертва современного общества, в силу своего формализма создающего климат, в котором расцветают пороки. Мне и многим другим врачам в целом ряде неврозов видятся симптомы, порожденные именно общественными пороками. Это такие вопросы, о которых можно спорить до бесконечности. Важно одно: единственный способ исцелить общество – вылечить каждого человека в отдельности.

За носящими по большому счету чисто теоретический интерес спорами об эволюции цивилизации стоит проблема попроще – умение говорить с человеком как с личностью. Я в последнее время очень много встречаюсь с моло-

дыми людьми. И вот что интересно: они очень разные, но большинство из них в глубине души хочет жить жизнью, наполненной смыслом.

Что Вы можете сказать о поддержке неизлечимо больных?

В этой сфере произошел полный переворот, и все благодаря одной женщине – Элизабет Кюблер-Росс. Американцы боятся смерти больше, чем европейцы, и вот она обратила внимание общественности Соединенных Штатов на то, что оставлять пациентов наедине со своими страхами из-за боязни собственных эмоций – малодушие. Недавно я встретил мадам Кюблер-Росс в Базеле на официальном обеде. (Она родилась в Лангентале, к югу от Базеля). Она сказала мне:

– Вы – в каждой из моих лекций.

Я ответил:

– А вы – в каждой из моих.

Мы поцеловались.

Ей самой пришлось преодолеть страх эмоций. Как-то студенты-богословы обратились к ней за помощью в исследовании состояния души человека на пороге смерти. Ей пришлось признаться, что никто ничего об этом не знает, потому что никто никогда не говорил с умирающими о смерти. И в своей больнице она попросила разрешения встретиться с умирающим.

– И что же вы собираетесь с ним делать?

– Поговорить с ним.

– О чем?

– О смерти.

– Вы сошли с ума!

Эта женщина произвела революцию, и не только в Соединенных Штатах. С тех пор прошли годы, и теперь даже наши больницы в Швейцарии организуют поддержку умирающих.

Снова и снова врачи признавались мне, как оттягивали

визиты к пациентам, когда уже больше ничего не могли для них сделать. Острое чувство вины особенно свойственно хирургам, когда они делали все возможное, чтобы спасти жизнь, а потом выяснялось, что их усилия были напрасны. Нам надо не осуждать и не критиковать, а постараться их понять. Известно, что бессознательные уловки часто позволяют нам избежать встречи лицом к лицу с великими экзистенциальными проблемами жизни.

Третье измерение В МЕДИЦИНЕ

Речь на конференции Всемирного совета
церквей в 1978 году

Как убежденный христианин я всегда ставил перед собой цель привносить в мою работу веру, но только в середине жизни, лет сорок тому назад, когда уже начал писать книги, стал приходить к пониманию того, как это сделать. Многие из моих коллег также стремились соединить веру и медицину. Осуществить этот союз очень нелегко. О религии мы говорим на религиозных собраниях, а работу свою делаем так, как нас учили на медицинском факультете.

Год назад я ездил с лекциями по Японии. На одном из заседаний, в Киото, председательствовал профессор Охашии. Наутро несколько коллег зашли за мной в гостиницу – мы собирались осмотреть буддийские храмы. Первым пришел профессор Кума из Кобе. Мы немного поболтали, и он рассказал мне такую историю:

«Мой отец тоже был врачом, и очень известным. Я много работал, стараясь завоевать собственную репутацию врача. Я построил большую клинику, и десять лет назад уже мог сказать себе – что ж, я достиг успеха.

Речь, произнесенная под эгидой Христианской медицинской комиссии Всемирного совета церквей, Женева, июнь 1978 г.

Но в душу уже начали закрадываться сомнения: цель жизни достигнута, все приключения позади, дальше остается только рутина? Я говорил об этом с профессором Охаши, и тот сказал: «Поезжайте в Цюрих и поработайте в институте Юнга. Это расширит ваш кругозор».

Я поехал и оказался на пороге нового приключения. Я начал открывать для себя второе измерение в медицине. Нет, я не стал психотерапевтом, но понял, что у всех моих пациентов работают психологические факторы и что между классическим недугом и этими факторами существует взаимосвязь. А два года назад профессор Охаши сказал: «Вам надо почитать Турнье».

Я прочел все ваши книги, какие только были переведены к тому времени на японский, и обнаружил в медицине третье измерение. Нет, я не стал буддийским священником, но понял, что в каждом пациенте работают не только психологические, но и духовные факторы и что между физическим – сферой классической медицины – и религиозным существуют взаимовлияющие отношения, как между телом и душой».

Это замечание моего коллеги о третьем измерении в медицине меня очень порадовало. Что же это за третье измерение? Мой друг, профессор Линдебоом из Свободного университета в Амстердаме, как-то сказал мне, что надо говорить не о медицине личности, а о «пневмопсихосоматической» медицине. Слово «психосоматика» было создано для обозначения болезней, происходящих от психологических факторов. И это правда, что я лично занимаюсь проблемой влияния духовной жизни человека на болезнь. Но мне очень не понравилось предложение Линдебоома, и он с моим возражением легко согласился. Нельзя представлять дело так, будто человек разделен на три части. Довольно и того, что мы разделили тело и разум. А если мы к этим двум добавим еще и третью отдельную часть, дух, то тем самым только навредим делу – ведь мы стремимся не к расчленению, а, наоборот, к восстановлению бывшего ощущения личности как целого. Медицина расчленена на

столько специализаций, что пытаться изучить их все, чтобы свести воедино, – занятие бесперспективное. Да и в любом случае полной картины все равно не получишь. Можно быть одновременно кардиологом, ревматологом и психологом, а целого не постичь. Медицина утратила это ощущение целого. Такова цена за огромный прогресс в аналитической, технической медицине. Даже психосоматическая медицина – дисциплина чисто научная, объективная. Это наука о взаимоотношениях души (или разума) и тела. Ее функция также – анализировать и разделять.

Если мы хотим обнаружить целое, мы должны войти с ним в личные отношения. Третье измерение, духовное, – измерение взаимоотношений. Что такое духовное в человеке? Это то, что стремится к общению, к взаимоотношениям – с ближними, природой, обществом, с Богом. Это самое общее определение духовной жизни. Именно это делает человека личностью – не телом, или душой, или еще чем-то, а личностью. Профессор Зибек из Гейдельберга сказал, что «призыв – это то, что творит личность». Люди потому ощущают себя личностями перед лицом Бога, что Бог их призывает. И я только потому предстаю перед людьми как личность, а не как раздатчик лекарств, что вхожу с ближними в личностные взаимоотношения. Я стараюсь вносить личностные взаимоотношения в ситуацию «доктор-больной». С объективных позиций можно обсуждать множество разнообразных тем – науку, политику, экономику; здесь личная вовлеченность необязательна, она появляется тогда, когда мы говорим о нашей личной жизни и ее соотнесенности с жизнью другого.

Еврейский религиозный философ Мартин Бубер сказал, что есть два возможных вида взаимоотношений: один – отношение «Я – Это», отношение объективное, в котором «Я» – наблюдатель, созерцающий объект. Такова позиция научной медицины: она изучает человеческие существа как объекты, рассматривая их как предметы и таким образом исключая возможность увидеть в пациенте личность. Она видит в нем только отдельные составляющие – его анато-

мию, физиологию, психологию, даже, возможно, его духовную жизнь, понимаемую как его философия. Второй вид отношений – «Я – Ты». Это уже не отношения наблюдателя и объекта, но личное отношение одного субъекта к другому. Чтобы достичь такого, врач должен отойти от своей научной установки.

Наша цивилизация вынуждает нас жить в мире вещей. Священник из Заира, преподобный Масамба ма Мполо, директор секции семьи Всемирного совета церквей, любезно посвятил мне свою книгу, в которой вы найдете следующее примечательное наблюдение: «Западная медицина имеет дело с вещами, африканская – с личностями». Как видите, он обращается к тому же вопросу, что и я, также полагая, что врач должен пройти процесс эволюции, чтобы научиться входить в личные взаимоотношения. Наша цивилизация в самой своей основе технологическая, она приучила нас смотреть на все объективно. И я очень боюсь, что то, что происходит сегодня в развивающихся странах, – это диалог глухих: с одной стороны, представители Запада, которых интересуют вещи, все те явления, которые изучает медицина, а с другой – население этих стран, которое интересуют личности. Мы на Западе отстаиваем объективность причинно-следственных отношений, они же видят таинственные взаимоотношения между личностями. Западная медицина лечит больных, отделяя их от семьи, помещая в больницы, подсоединяя к всевозможным машинам – помещая в мир вещей. В развивающихся странах врач лечит больного в среде его племени и, как я прочел у Масамбы, старается разрешить проблемы его отношений с семьей. Таким образом, мы имеем два абсолютно разных подхода: механистический, когда видны только вещи, которые можно потрогать руками, и духовный, когда важны отношения между личностями. И перейти от объективного подхода к субъективному – задача непростая.

Вот уже тридцать лет я участвую в совещаниях врачей, ищущих пути решения этой задачи. Я имею в виду всемирно известную группу Боссе. Она называется так потому, что благодаря моей дружбе с пастором Виссером т'Хооф-

том, первым генеральным секретарем Всемирного совета церквей, наше первое совещание проходило в Экуменическом институте в Боссе близ Женевы. Деятельность группы посвящена медицине личности как целого.

Врачи – большие спорщики. Годами они могут с большим знанием дела спорить о человеческой личности, изучая анатомию мозга и психологические системы Юнга и многих других. Это на самом деле очень интересно, но, пока они так спорят, с ними самими ничего существенного не происходит. Если они хотят установить личностные взаимоотношения, перемена должна произойти внутри них самих. Споры же ничего не меняют. Они не более чем упражнение интеллекта, а интеллект – лишь одна из вещей в мире вещей. Этим врачам необходимо личное переживание, личный опыт. И я говорю каждому в отдельности: «В течение дня мы будем говорить о работе, но вечером вы мне расскажете о своей жизни. Почему вы стали врачом? Когда вы сами последний раз болели? Какие у вас личные проблемы, какие конфликты с женой, с детьми?» Так что те врачи, что приходят на совещания группы Боссе, знают, что их вызовут на разговор об их личной жизни. Многие так и не решились прийти, потому что испугались. На таких сессиях хорошо видно, что врачи склонны прятаться за позу объективности, которая позволяет им выдавать замечательные научные результаты, оставляя свои личные проблемы в тени. Я знавал очень знаменитых врачей, свободно читавших лекцию за лекцией, а потом сидевших в растерянности в своих кабинетах перед чистым листом бумаги и бормотавших: «Я просто не знаю, что сказать!»

Вся наша система образования начиная с яслей и кончая докторантурой нацелена на то, чтобы учить нас быть объективными. И все мы испытываем большие трудности – и также большую боязнь – быть субъективными, быть личностями. Я и сам того же десятка: очень застенчив и, может быть, именно поэтому знаю, как это серьезно. Но когда мы отдаем себя другой личности, тогда и появляется третье измерение.

Я уже не руковожу группой Боссе. Эту задачу взяли на себя мои молодые коллеги, еще более решительные, чем я. На последней встрече в Австрии они сказали: «Больше никаких ученых дискуссий. Чтобы стать по-настоящему близкими друг другу, мы станем обсуждать личные дела не только по вечерам, но и в течение дня». Это потребовало некоторого мужества, но как великолепно сработало! Потом они рассказывали, что ничего подобного раньше не испытывали. Не было ни лекций, ни дебатов – ничего. Только изучение Библии и взаимообмен, взаимная открытость. Мы в группе Боссе все внимание уделяли проблеме личностных взаимоотношений между врачом и пациентом, а также отношений человека к ближнему, к природе, к Богу. Отсюда неизбежно приходишь к вопросу о смысле всего сущего – смысле жизни, смерти, недуга и здоровья, исцеления, личной жизни, – ответа на который наука не дает. Все, что она может предложить в объяснение, – это случайность. Жак Моно, лауреат Нобелевской премии в области медицины, сказал, что для науки существуют только необходимость и случайность: необходимость, продиктованная законами природы, и случайные вариации, время от времени производящие новые формы.¹ Случайность для людей науки – некое божество. Поэтому Леконт дю Нуйи, много лет проработавший в Соединенных Штатах, назвал Бога «антислучайностью». Взаимоотношения с Богом придают всему смысл. Если нет Бога, все лишено смысла. С научной точки зрения мир – вращающееся колесо, совокупность механических явлений, где все постоянно крутится по случайно заданной траектории.

Проблема смысла занимала человечество всегда. Мои пациенты тоже нередко ставят вопрос: «Что я сделал Богу, что заслужил такую болезнь?» Он может не верить ни в Бога, ни в дьявола, но стоит ему заболеть, он тут же видит в этом Божье наказание. Вопросом о смысле вещей задается всякий. Есть ли смысл в этой постигшей меня болезни?

¹ Эту тему он развивает в своей книге *Chance and Necessity* (Collins, London, 1972) (Прим. составителя)

И вот, научная, объективная точка зрения отбрасывает вопрос о смысле. Она утверждает, что болезнь – результат случая, тогда как сам больной интуитивно ощущает, что это больше, чем случай, и часть вины лежит на нем самом. И это чувство ответственности как раз и привносит в жизнь смысл. Настойчиво утверждает это Виктор Франкль, один из ведущих психологов современности, возглавляющий ту же профессорскую кафедру в Вене, что и Зигмунд Фрейд. Он считает, что во времена его знаменитого предшественника болезнью века было подавление сексуальности. Прошли годы, мир изменился, секс перестал быть запретной темой. Но теперь, говорит Франкль, подавленным оказывается нечто другое, а именно ощущение смысла вещей. Мы притворяемся, что нам нет дела до смысла жизни, хотя на самом деле этот вопрос на уме буквально у каждого.

Эта проблема мучила, например, Альбера Камю. Он обращался к ней в своей первой книге «Миф о Сизифе»². Неужели жизнь – лишь нескончаемые, безмерные, но и бесплодные усилия, на которые обречена природа и человечество? Только вера может помочь увидеть цель, придать смысл жизни и всему в ней, включая болезнь, дряхлость и смерть.

У нас в группе Боссе есть ученый медик из Германии, профессор Жорес. Несколько лет назад его назначили ректором Гамбургского университета, и свою речь при вступлении в должность он посвятил теме смысла болезни. В сугубо академической атмосфере университета его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы: неожиданно для всех кто-то вдруг отодвигает в сторону объективность и поднимает проблему совести. «Чем больше я думаю об этом, – сказал он, – тем больше убеждаюсь, что есть только один смысл: воля Божья». Он намекал на библейское понятие грехопадения – болезнь есть знак того, что человек выпал из Божьего миропорядка.

² В греческой мифологии Сизиф – основатель Коринфа, навечно осужденный вкатывать на гору камень, который сразу же скатывался обратно вниз.

Виктор Франкль говорит, что современный человек живет в экзистенциальном вакууме. Его проблема состоит в том, что он не знает, зачем живет, не знает, приведут ли к чему-нибудь его труды или нет. Экзистенциализм – это взаимоотношения с другими, а именно здесь и гнездятся болезни нашего века. Миллионы людей, особенно на Западе, не знают, для чего они живут. Есть от чего заболеть! И вот, множество больных людей высказывают свое отчаяние. Я сейчас читаю книгу, написанную президентом Швейцарской ассоциации психоаналитиков, живущим по соседству от меня. Это книга о смысле отчаяния. Мы живем в мире, который вводит в отчаяние, и проблема отчаяния имеет прямое отношение к проблеме смысла. Франкль говорил: «Секс уже не вызывает у нас смущения; нас теперь смущает религия».

Итак, третье измерение в медицине состоит в том, чтобы помочь больным стать личностями и осознать личную ответственность за свою жизнь. В рамках чисто технической медицины они перекладывают эту ответственность на врача. В трехмерной медицине к ним возвращается ответственность за самих себя, потому что как только мы спрашиваем себя, что Бог хочет сказать нам через болезнь, все немедленно обретает смысл.

(Это можно сравнить с тем, что говорит Андре Фроссар в книге «Не бойся» [*Be not Afraid*, Bodley Head, London, 1984], приводя разговор папы Иоанна Павла II со своими врачами после покушения на его жизнь. Он цитирует профессора Кручитти, хирурга, который оперировал папу: «Он старался убедить нас, что в отношениях между пациентом и врачом последний не может претендовать на роль оракула, посланного с небес с готовыми решениями. К решениям надо приходить на основе обоюдного согласия – ведь хотя на стороне одного медицинские знания и опыт, на стороне другого интуиция и знание самого себя». Андре Фроссар получил от папы личное подтверждение, что тот старался помочь своим врачам, объясняя им, что пациент, находясь под угрозой потери своей субъективности, должен постоянно бороться за ее сохранение, за то, чтобы быть

«субъектом своей болезни», и не «объектом лечения». С этой проблемой «деперсонализации» индивидуума мы сталкиваемся в самых разных аспектах общественных отношений. Папа Иоанн Павел II считает ее одной из серьезнейших проблем современного мира.)

Вы сказали, что в Африке лечат человека в целом, там на пациента не смотрят как на объект. Но ведь в Африке живо сильное чувство сообщества, которого мы лишены. Как можно ввести это третье измерение в медицину индустриализованного западного общества?

Западный образ жизни – плод односторонней цивилизации, чисто объективной и технологической. Порок этой цивилизации – отсутствие личностного аспекта. Но мы не сможем восстановить личностные взаимоотношения в обществе в целом, если не будем иметь потребности в них в себе, в нашей жизни, в наших семьях, в общении с нашими пациентами. Вновь обрести чувство общности – великая потребность и забота нашего общества. Сплошь и рядом мы наблюдаем появление мелких сообществ – не серьезных организаций со своей администрацией типа церкви, а именно небольших групп, связанных личностными взаимоотношениями. Эта основа пророческого движения – маленькие, еще хрупкие общины показывают, что в обществе, особенно среди молодежи, назревает нужда заново открыть такие формы социального устройства, в которых присутствовало бы чувство общности, которого лишена наша технологическая цивилизация.

В прошлом для большинства людей было доступно то, что теперь считается роскошью – возможность умереть дома, в окружении семьи. Ныне же, как только смерть надвигается неотвратимо, человека отправляют в больницу. Как Вы к этому относитесь?

В прошлом человек рождался и умирал в лоне семьи.

Ныне мы рождаемся в мире вещей и умираем в мире вещей. По-моему, это очень печально. Это знак того, что личностные отношения не считаются чем-то важным. Четыре года назад я потерял жену. Мы были в Афинах. И мне предстояло читать лекции американцам. У нее случился коронарный тромбоз. Месяц она провела в отделении интенсивной терапии, к ней применяли все необходимые средства медицинской технологии, которых нет дома. Она провела в больнице необходимое время, и потом ей стало настолько лучше, что ее выписали и она смогла вернуться в гостиницу, где мы провели вместе последние три дня ее жизни – немного говорили, много молчали и молились вместе. Случилось так, что мы заговорили о ее смерти за десять минут до кончины.

Я был рад, что она покинула больницу, хотя я навещал ее там каждый день. Она ушла из жизни рядом со мной, зная, что умирает, успев высказать свой страх перед смертью и надежду на воскресение.

(Долгое молчание).

Ну вот, видите? Никто не решается больше задавать вопросы, потому что я затронул личную тему. Всем знакомо ощущение неловкости, когда разговор касается личного. Это мешает плавному ходу дискуссии. Нам необходимо снова ввести личностные взаимоотношения в нашу безличностную цивилизацию – и в наших больницах, и в наших приемных, а также в наших гостиных и на кухнях.

Единственное, что в нашей жизни неизбежно, – это смерть, и все же многим из нас очень трудно о ней говорить.

Я убежден, что чувствовать подавленность и тревогу при мысли о смерти для человека вполне естественно. В развивающихся странах смерть признается вездесущей, не так, как у нас. Мертвые остаются такими же членами племени и рода, как и живые. Племя тесно связано со своими предками, и эта связь постоянно поддерживается самими раз-

нообразными обрядами и празднествами. Психологически такое положение вещей воспринимается гораздо легче, чем у нас, они смотрят на смерть как на нечто естественное. Наша цивилизация вправе гордиться своими технологическими достижениями, но не в ее силах упразднить смерть. Вот она и старается не замечать смерти. Врач говорит, что его задача – успокоить больного. А Балинт спрашивает – кого успокоить, больного или самого себя? Дело как раз в том, что мы уж слишком стараемся успокоить других, чтобы развеять собственное беспокойство.

В нашей гордящейся собой цивилизации смерть – как пощечина. Ведь она, наша цивилизация, отказывается признать наложенные Богом ограничения на человеческую жизнь. Куда нас только не заносит со всем нашим технологическим прогрессом, со всеми этими полетами на Луну, со всей этой геной инженерией! Вам не кажется, что мы бредим всемогуществом, бросая вызов Богу? Мы, врачи, тоже в этом участвуем, и наша медицина – плоть от плоти этой горделивой научной цивилизации. Отсюда то страшное смущение и чувство беспомощности, которое ощущают врачи перед лицом смерти.

Не делают ли протестантские церкви ошибки, упраздняя обычай совершать погребальное всенощное бдение? На мой взгляд, оно может быть психологически и эмоционально очень полезно. Я однажды участвовал в таком бдении на юге Испании. Собрались все родственники и соседи. Члены семьи всю ночь могли оплакивать умершего бок о бок со своими родными. С другой стороны, я недавно узнал, что моя хорошая знакомая в Женеве, дама пятидесяти девяти лет, ни разу в жизни не видела, как кто-нибудь умирает. Она упрашивала меня прийти и закрыть глаза ее мужу, если он умрет раньше нее. Я с готовностью окажу ей эту услугу, но, по-моему, все это как-то очень странно.

Вы читали книгу доктора Раймонда Муди «Жизнь пос-

ле жизни»? Он расспрашивал людей, перенесших клиническую смерть и возвращенных к жизни с помощью современных средств реанимации. Конечно, они не успели побывать в ином мире, потому что вернулись в этот. Но они сделали первый шаг туда, за грань жизни. Все свидетельства о нескольких первых минутах после смерти совпадают: люди, которых врачи сочли умершими, рассказывали, что видели себя как бы витающими под потолком и наблюдающими, как врачи и сестры склоняются над их телом. Каждый из них слышал, как врач говорил: «Он умер». Это подтверждает, что после клинической смерти и до того момента, когда открывается дверь в мир иной, сознание сохраняется.

Когда моя жена умерла, я еще не прочел книгу Муди, но потом понял, что она должна была присутствовать при моих действиях в первые минуты после ее смерти, когда я звонил своему сотруднику, чтобы сообщить о случившемся. Судя по приводимым Муди свидетельствам, она должна была это слышать. Значит, существует переходный период между земной жизнью и загробным миром. Мы не можем следовать за умершими дальше, но какой-то интервал между двумя мирами есть. Я полагаю, что эта промежуточная стадия дежурства у смертного одра была чем-то священным. Надеюсь, что сам я умру не в больничной палате. Надеюсь, что буду умирать в кругу семьи и буду знать, что они будут знать, что я знаю то, что знаю: сознательное принятие смерти.

В свете того, что Вы говорили о личностных взаимоотношениях, как нам относиться к обстановке, в которой мы практикуем? Надо ли что-то менять в наших больницах и частных врачебных кабинетах, чтобы способствовать установлению таких отношений?

Я думаю, что это взаимосвязано. Прежде всего должны измениться сами врачи. Им следует осознать важность этого дела и воспитывать в себе готовность к личностному

общению, когда оно начнет завязываться. Врачи, раз испытавшие такого рода отношения, уже никогда не вернутся к прежним методам работы. Этот дух сам по себе заразителен, но и влияние материальной обстановки тоже немаловажно.

Помню, как один врач ушел из крупной клиники и вернулся в маленькую, частную, где люди работали в более тесном контакте друг с другом. Конечно, я понимаю, что такого рода поступок – дело личное. У меня нет иллюзий, я знаю, как трудно строить личностные взаимоотношения в современной западной системе здравоохранения. Нужны врачи, осознавшие, что медицина, если ею заниматься во всей ее полноте, – предполагает гораздо более глубокое личное переживание.

Мне трудно согласиться с мыслью, что болезнь имеет некий богоданный смысл. Новый Завет полон рассказов об исцелении, и у меня большие трудности в понимании болезни, которая не то что не имеет смысла, но часто выглядит полной бессмыслицей.

Вы сказали «бессмыслица», и это проблема, связанная с проблемой смысла. Часто, слишком часто, люди в поисках смысла воображают Бога эдаким надсмотрщиком, раздающим жестокие взыскания. Позавчера у себя дома в Труанэ я давал интервью французскому телевидению, говорил о смысле болезни. Не желая подкреплять веру в то, что Бог насылает болезни в наказание, я подчеркнул, что если бы это было так, я своими усилиями исцелить больных боролся бы против Бога. Я утверждал, что Бог всегда на стороне исцеления и что, исцеляя, мы действуем заодно с Ним. Но легче всего вылечить именно тех, кто видит в своем недуге смысл. Там, где его нет, страдания от болезни сильнее.

Вытекает ли из Ваших воззрений, что нужны изменения в системе обучения врачей, или же Вы утверждаете, что та позиция, которую Вы проповедуете, может быть

выработана только в процессе работы?

Я не думаю, что этой сугубо личностной перспективе можно научить в университете. Мне не раз предлагали преподавать в университетах Америки и Европы, и я всегда отказывался, потому что научить строить личностные взаимоотношения нельзя. Эту способность можно только передать от одного человека другому. Во всяком случае, если и есть люди, способные ей научить, я не в их числе. Сейчас психологию начинают вводить в учебные планы медицинских факультетов – самое время! Но научить медицине личности все равно нельзя. Вместе с тем преподаватель медицины вполне может видеть в своем предмете человеческую перспективу. Лично у меня был такой учитель, в высшей степени обладавший этим ощущением, и он передал его нам прямо у постели больного. Заметьте – он не учил нас этому ощущению, а именно передавал его нам.

Как, по-вашему, может ли христианин, работающий в светской клинике, передать это другим без бесед о Боге?

Это зависит от человека. Каждый должен спросить себя, чего Бог от него ожидает, и не мне сообщать ему об этом. Мы должны просить у Бога указаний, когда говорить и когда молчать. Мы часто говорим тогда, когда следовало бы молчать, и молчим, когда надо говорить. И когда мы чувствуем, что обязаны говорить, тогда и наступают трудности.

Как, по-вашему, в выработке такого личностного подхода может помочь церковный приход, причем я имею в виду не только отдельную личность, но и церковную общину и сообщество как таковое?

Я не хотел бы обобщать, потому что в отношении разных приходов ответы будут неодинаковыми. Я состоял в нескольких приходах и лучше всего себя чувствовал там,

где руководство объединяли тесные личные связи. Это была не просто общность людей, которым случилось работать вместе в приходском совете; между ними были настоящие личностные взаимоотношения. Я считаю, что такие тесные личные узы, связывающие священнослужителей и членов приходского совета, оказывают сильное влияние на атмосферу храма; к сожалению, именно в церкви люди больше всего склонны скрываться за лживой личиной.

Я лечил много церковных людей и знаю, как часто в этой среде приходится сталкиваться с подавленными чувствами, фарисейством, агрессивностью, потому что люди за фальшивой улыбкой прячут в душе всякого рода недовольство и критиканство. Многие рассказывали мне, как, выйдя с заседания приходского совета, не могли сдержать слез, потому что конфликты там заминали и замалчивали ради сохранения видимости всеобщего согласия. Если этой агрессивности не дать вырваться наружу, как это происходит в остальной части общества, она может привести к патологически тревожному состоянию. Я и за собой знаю этот страх перед конфликтом; я всегда стараюсь его погасить, но от этого становится только хуже. Я понимаю Иисуса, который испытывал приступы священного гнева. На днях мой сын мне сказал: «Я вечно перед тобой пасую, потому что ты никогда не сердишься». Да, я всегда гордился тем, что никогда не выхожу из себя, но теперь я понимаю, что это мне не на пользу.

Исцеление общества

Лекция на тему «Миссия женщин в мире»

Как-то во время конференции в Талуаре на озере Аннеси мадам Мак-Жанне так представила меня одному американцу: «Это доктор Турнье. Он пишет книгу о миссии женщин в мире».¹ Тот пристально посмотрел на меня и выразительно произнес: «Ну, вы смельчак!» И правда, я немного колебался, прежде чем взяться за эту работу, тем более что на свете достаточно женщин, которых коробит сама мысль о том, что мужчина может набраться наглости говорить об их миссии. Они хотят сами определить ее для себя, что меня очень и очень радует.

На мой взгляд, дело не столько в женщинах, сколько в состоянии современного общества. Для всех, включая социологов, психологов и политиков, очевидно, что западная цивилизация больна. Ее отличает страшный контраст между достижениями технического прогресса, позволившими летать на Луну и дальше, и нищетой наших личных взаимоотношений. Я читал, кажется в журнале *Матч*, отличную статью одного социолога, который проводил исследования в Африке. Вы знаете, какие там гостеприимные люди – вас приглашают в свою хижину, обращаются с вами как с членом семьи, буквально носятся с вами. И вот наш социолог возвращается в Париж. В аэропорту Шарля де Голля он садится в автобус и наблюдает за пассажирами, сидящими рядом. Ни слова, разве что взгляды молчаливого нео-

Отрывки из лекции «Миссия женщин в мире»

¹ *The Gift of Feeling* (SCM Press, London, 1981). (Прим. составителя)

добрения. Кто-то коротает время, уткнувшись в дешевый детектив. «Недоразвитые – это не африканцы, а мы», – думает социолог.

Нет, конечно, в том, что касается машин, мы более чем развиты, а в отношении наших качеств как человеческих существ именно недоразвиты. Всякий знает, что это так. Ну, а теперь посмотрим поближе: кто интересуется машинами? Мужчины. А кто интересуется качеством жизни? Женщины. В нашей цивилизации произошел сдвиг к мужскому полюсу. Бал правят мужские ценности – собственность, власть, агрессивность, научная объективность, тогда как субъективные ценности, то есть все, что касается души и личностных взаимоотношений, находятся в ужасающем загоне. Иррациональные ценности, в число которых входят вера и все тайны человеческой природы, затеряны в этой механической пустыне. Это видно уже на примере маленьких детей. Мальчикам не дарят кукол, а дарят машинки, и они первым делом их разбирают, чтобы посмотреть, как они работают. Интерес мужчин состоит в том, чтобы увидеть, как что работает. Возьмите технические журналы – они объясняют, как что работает. А чтобы понять, как вещь работает, надо ее раззять, разобрать на части. В Европейском центре ядерных исследований в Женеве ученые дробят мельчайшие частицы на еще более мелкие, чтобы увидеть, из чего они состоят. Мужчины все разбирают, дробят, делят и разбирают, и им нет дела до того, что вокруг остаются только разрозненные частицы, а целое оказывается уничтоженным. А у женщин есть чувство общности, и именно женщины строят семью, строят общество, строят человеческие отношения.

Карл Юнг показал, что и у мужчин, и у женщин есть как технические способности, так и способности вызывать и испытывать эмоции. Мужчина носит в себе то, что Юнг назвал анимой, то есть женственную сторону человеческой психики, но подавляет в себе эмоциональные способности и развивает технические. Женщина же, напротив, без труда подавляет в себе рациональное, объективное и дает

волю эмоциональному. Но глубоко внутри нее живет анимус, придающий ей мужские способности. Современная эмансипированная женщина доказывает, что способна делать все то, что делает мужчина и на что он считал способным исключительно только себя.

В последние десятилетия мы наблюдаем высвобождение *анимуса* у женщин, тогда как мужчины свою *аниму* не высвободили. Мужчины – эмоциональные инвалиды; у них отлично развиты способности к объективному, научному, рациональному, но когда дело доходит до выражения чувств, до личностного, они тушуются. Развитая и освобожденная женщина стала равной мужчине и может играть его роль, тогда как он сыграть роль женщины не может. Вернее, не знает, как, потому что боится эмоций. Его приучали к этому с самого раннего детства. Когда он падал и ушибался, ему говорили: «Не плачь! Мальчики не плачут, только девочки». Девочкам позволено выражать свои чувства, а мальчикам – нет. Мальчики должны уметь властвовать собой и оставаться объективными. Этому матери учат сыновей, да и вся система образования приучает мужчин к подавлению своих чувств, тогда как женщинам выражать их позволено.

Недавно я ездил в Мюнхен на встречу с группой американцев. Один из них, знаменитый писатель, с которым я уже был знаком, представил меня остальным в привычной манере: «Доктор Турнье не нуждается в представлении, – сказал он. – Все вы знаете, кто он такой и какой новый взгляд он подарил нам своей концепцией личности». Я расхохотался. Он растерялся и спросил: «Разве это не так?» Я ответил: «Да не концепция личности меня интересует, а сама личность». Мужчин хлебом не корми, дай поговорить о концепциях. Все, к чему я стремлюсь, – проповедать личность, а меня представляют так, будто самое важное для меня – это то, что у меня есть концепция. У личности, в отличие от концепции, есть два глаза, рот... Нам надо вернуться к ощущению человека и освободиться от абстрактных типов идей и концепций. А для этого необходимо пре-

одолеть нежелание мужчины сбросить маску, открыть себя, показать себя таким, каков он есть, предстать перед людьми личностью.

Мужчины дома не слишком разговорчивы – это факт, на который не раз указывали психологи. Женщины говорят гораздо больше. Я не раз слышал от женщин: «Чтобы узнать мужа хоть чуточку больше, я приглашаю к нам друзей, потому что им он говорит такое, о чем я не имею ни малейшего представления». Муж и не подозревает, что он не откровенен с женой. Помню одного очень достойного человека, который пришел ко мне на консультацию и с порога сказал, что не обращался ко мне со своими семейными проблемами, как, наверное, обращаются многие, потому что ему повезло – у него таких забот нет...

– Здорово, – сказал я. – Прямо-таки исключительный случай.

– Понимаете, мы с самого начала пообещали друг другу, что всегда будем совершенно откровенны, и держим слово. Никаких секретов – мы рассказываем друг другу обо всем.

– Ну! Поздравляю.

Мы проговорили целый час. Он поведал мне о серьезных проблемах в своей профессиональной жизни, а также и в духовной. Провожая его, я спросил:

– Скажите, а что обо всем этом думает ваша жена?

– Жена? Она ничего не знает. О таких вещах я ей не рассказываю.

И ведь он был искренен, совершенно искренен, когда говорил: «Мы рассказываем друг другу обо всем». И при этом не понимал, что давно уже перестал делиться с женой сугубо личным.

Что воистину открывает в мужчине шлюзы, так это влечение пола. Влюбленный мужчина говорит! Он ошеломляет ее своими рассказами о том, какие фортели он выкидывал в школе, какие у него были приятели – уж лично донельзя. Все так славно, им будет так чудесно вместе! И вот они женятся, и как только мужчина получает, что хо-

тел, – удовлетворение от обладания женщиной, он замолкает, или, во всяком случае, говорит совсем не так, как раньше. Еще печальнее то, что он порой снова обретает язык, но только теперь уже с понравившейся ему хорошенькой секретаршей. Ему кажется, что она понимает его лучше, чем жена, и он начинает рассказывать ей о том, что скрывает от жены, – о личном. Понимаете, как это опасно – ведь наш мужчина обретает способность говорить языком чувств только через сексуальное влечение. Так что для семейных пар поддерживать диалог – жизненно важная задача. У мужчины хорошо развито чувство объективного, у женщины – субъективного. Наш мир выстроен по образу мужчин, он высоко развит в смысле материальных вещей и всякого рода машин, которые так пленяют мужчин, но крайне беден в том, что касается вовлеченности людей в жизнь друг друга.

Кто у нас носитель чувства личности? Женщина. Мне вспоминается эпизод из моей семейной жизни, доказавший мне правдивость этого утверждения. Я вообще обязан своей жене всем, что могу сказать о женщинах, потому что и сам был столь же необщителен, как и большинство мужчин, и даже хуже. Мы говорили на тему развода, я развивал некую стройную теорию, и тут жена меня перебила:

– Но кто это, о ком это ты говоришь?

– Я не говорю ни о ком конкретно. Я говорю о проблеме развода.

И я понял, что женщину интересует не проблема развода, а развод конкретной Маргариты, или Шейлы, или Жанны. Это было для меня откровением. Я сказал себе: «Вот тебе – тридцать лет и сорок лет толкуешь повсюду о личности, а сам до сих пор чувства личности не имеешь». Да, мир тоже существует, и моя задача как мужчины – изучать проблемы общества. Но, как и все мужчины, я лишен чувства личности.

В мужчине всегда сидит нечто от школьного учителя: он учит и объясняет, у него есть концепции, от которых женщина только ахает в изумлении: «Мамочки! Ну и дела!

Как интересно! Потрясающе!» И он даже помыслить не может, что и ему есть чему поучиться. Философ Мартин Бубер, много лет живший в Цюрихе,² показал, что существует два вида отношений между человеческой личностью и окружающим ее миром. Один – это объективные отношения, когда наблюдатель беспристрастен и безличностен. Он не вовлечен, он видит, а его – нет. Это научная позиция. Другой род отношений – это когда индивидуум в них вовлечен. Бубер разбирает это на примере дерева. Можно рассматривать дерево с научной, ботанической, химической точки зрения, просто как объект, как вещь, а можно с ним говорить. Говорить с деревом значит вновь открыть для себя связь с природой. Помню, как на медицинской конференции женщина-психоаналитик из Цюриха рассказывала нам о своем мучительном, одиноком детстве. Каждый вечер она ходила к некоему дереву и рассказывала ему о своих детских печалях. И дерево отвечало: «Понимаю». Никто не поймет нас так, как природа.

Итак, есть два вида отношений. Они не противоречат друг другу, а дополняют; ну разве в нашем современном обществе объективные отношения преобладают? С колыбели нам преподносят знания о вещах, а не о личностях. Мы приучаемся видеть мир как огромную машину, которая крутится, движется, шевелится со всеми своими звездами, электронами, даже курами, производящими яйца, и яйцами, производящими кур, – бессмысленная карусель, вечно вращающаяся на месте, но никуда недвигающаяся. Эта научная картина мира преподается нам с детского сада и до университета. Тщетно философы призывают нас быть личностными – они и сами не таковы, ибо не идут дальше концепций.

Моя сноха – художница, и мне очень нравятся ее картины. Она – член Общества художниц. Зачем было создавать отдельное общество женщин-художниц? Чтобы оградить себя от империализма мужчин, потому что все считают, что

² Цюрих давно уже пользуется репутацией интеллектуальной столицы Швейцарии. (Прим. составителя)

написанная женщиной картина менее серьезна, чем написанная мужчиной, книга менее серьезна, философия менее серьезна. Поэтому и существует такое Общество художниц. Однажды сноха говорит мне:

– Мы организуем выставку в музее такого-то числа, и одну мою картину выставляют. Это автопортрет.

– О! Надо пойти посмотреть. Но это еще не скоро. Ближе к делу я уточню.

Проходит время, и я спрашиваю:

– Ну, как насчет выставки? Когда открывается?

– Да она уже прошла! – говорит она и добавляет миленько: – Готова поспорить – если бы выставляли картину вашего сына, а не мою, вы бы не забыли.

Прямо в яблочко! Я не думаю, что она намекала на мое с сыном кровное родство. Сноха знает, что, как и все женщины, имеет меньше веса. Если мужчина попросит нас отправить письмо, мы не забудем, а вот если жена...

Да, женщины значат у нас много меньше, чем мужчины. О чем это свидетельствует? О том, что их ни во что не ставят. Наш мир – мир силы. Может быть, правильнее было бы сказать, что на женщин смотрят снисходительно, но я предпочитаю говорить именно так – их не ставят ни во что. Даже я, столь остро ощущающий необходимость для мужчин освободить свои подавленные чувства, забыл о выставке своей снохи. Многие мужчины не скрывают своего презрительного отношения к женщинам, потому и позволяют себе не проронить за весь вечер ни словечка, тогда как жена не закрывает рта. А будь он в компании мужчин, отвечал бы на каждое замечание.

Две недели назад я был на ученой конференции, одной из тех, что проводятся раз в два года в Женеве, куда во множестве съезжаются философы и представители широкого круга других научных дисциплин. Темой конференции на этот раз было «Требование равенства». Люди хотят равенства, все обеими руками за равенство, а равенства все нет. И вот мы битую неделю обсуждаем с этими высокоучеными философами проблему равенства, чтобы в конце

концов прийти к выводу, что оно недостижимо. Приехал один профессор из Сорбонны, чтобы объяснить нам, что лозунг Франции «Свобода, равенство...» на практике неосуществим, потому что если есть свобода, то нет равенства, а если есть равенство, то нет свободы. Это вопрос типа «да, но...». Хорошо бы установить равенство, но если это произойдет, разразится катастрофа, потому что если мы все будем равны, все станет до смерти однообразным. Я сказал себе – собственно, я произнес это вслух, – что истинное лицо проблемы – презрение. «Не презирайте меня. Отнеситесь ко мне серьезно». Вот что стоит за каждым призывом к равенству. Отнеситесь ко мне серьезно, пусть я не закончил университета, пусть я чернорабочий, пусть я негр, пусть я эмигрант, пусть я женщина, пусть я старик-пенсционер, пусть я всего лишь дитя малое. Это не столько призыв к равенству, сколько к признанию моего достоинства, к тому, чтобы меня приняли всерьез, как личность, которой есть что сказать, и не просто в рассуждениях, а в диалоге.

Как и все, раньше я думал, что это мужское высокомерие существовало всегда, что общественное положение женщины, скажем в средние века, было хуже, чем сейчас. «В наши дни, – говорят феминистки, – мы должны бороться против средневекового общественного статуса, который навязали женщинам». На самом же деле мысль, что женщин в средние века унижали сильнее, чем в наши дни, очень далека от истины. В своей книге «Дар чувствовать» о миссии женщин в мире я полагался на труды французского историка Реджины Перно, которая показала, что общественное положение женщин в средневековье было гораздо выше, чем во времена моего детства.

В средние века мужчины и женщины были равны перед лицом закона. Они голосовали – редко и только на местном уровне, – но голосовали, наравне с мужчинами. Одна женщина даже прославилась тем, что проголосовала «против», тогда как все остальные в ее округе голосовали «за». Уровень культуры у женщин был не ниже, чем у мужчин.

Тогда образованный слой населения был сравнительно узок и сосредотачивался большей частью в монастырях. Так вот, женские монастыри превосходили численностью мужские, и монахини имели столь же высокий уровень культуры, что и монахи-мужчины. Они знали греческий и древнееврейский, среди них были поэты, прозаики и политики. Элеонора Аквитанская, ставшая королевой Англии, обладала такой политической властью, какой не обладает ныне ни один человек. Равенство было реальным жизненным фактом. Существовал даже один монастырь, в Фонтевро, с мужским и женским отделениями, и настоятелем его был не мужчина, а аббатиса, которая была назначена на эту должность в возрасте двадцати пяти лет. Эти Божьи дома были своего рода политической перевалочной базой: их обитателями становились уходившие на покой короли и королевы, и их же насельники восходили на королевские троны. Они строили общество, основанное на определенной шкале ценностей. Наши сегодняшние ценности – власть, наука, материальные блага. Еще в девятнадцатом веке люди продолжали верить, что великая эпопея научных открытий вот-вот принесет наконец мир и всеобъемлющее знание. И к чему она привела нас в двадцатом? К созданию атомной бомбы.

Общество растерялось. Потеряв Бога, оно утратило самый смысл жизни. Нам необходимо восстановить утраченную шкалу ценностей, причем не только в секулярном мире, но и в церкви, ибо она зачастую выглядит еще более отсталой, чем мир вне ее. Богословие стало отвлеченным. Чтобы быть служителем церкви, человеку уже не обязательно иметь талант общения с людьми – нужна лишь богословская степень, то есть свидетельство о способности к научной работе, скажем, к толкованию Библии. Личностные взаимоотношения можно наблюдать в маленьких общинах, но не в больших церквях. Как-то раз на Пасху я был в своем приходе Сен-Жервез в Женеве. После проповеди там всегда делают небольшой перерыв, чтобы те, кто не желает участвовать в службе Вечери Господней, могли уйти.

Мне подумалось: «Вот справа от меня моя жена, которую я немного знаю, слева кто-то, кого я не знаю вовсе. Можно воспользоваться моментом и представиться». О, если бы вы только знали! Как колотилось в груди мое сердце! Посмею ли заговорить? Это было, как кризис в болезни, я обливался потом, прежде чем решился наклониться к соседу и сказать: «Я доктор Турнье». Это был крестьянин из кантона Во. После службы он подошел ко мне, пожал руку и сказал: «Какой тут у вас в Женеве приятный обычай – представляться друг другу».

И еще одной книгой я пользовался – книгой Франсуазы Долто, широко известной своими выступлениями по французскому радио. Мы не встречались, но я был знаком с ее мужем, тоже врачом; он как-то раз подарил мне набор из дюжины галстуков, явно намекая, что мне следовало бы одеваться более элегантно. Франсуаза Долто написала очень славную книгу на тему – Евангелие глазами психоаналитика. Она воспринимает Христа иначе, чем мы, потому что она – женщина, и я, читая книгу, очень сокрушался по поводу того, что богословие – почти исключительно мужское занятие. Она показывает, что Иисус прислушивался к женщинам, причем не так, как слушает муж, – мол, давай говори, это тебе полезно, – а чутко, потому что ожидал что-то услышать. На брачном пиру в Кане Он обратился не к кому-нибудь, а к Своей матери, спрашивая, не настало ли время Его служения. А в конце Его жизни не кто-нибудь, а Мария из Вифании дала Ему знать, что настало время идти в Иерусалим, идти на крест.

Наша цивилизация больна, потому что женские ценности в ней подавлены, и от этого страдают, пусть даже не зная этого, сами мужчины. Поэтому при любой возможности я говорю женщинам: будьте женщинами. Не суетитесь, стараясь вести себя, как мужчины. Подарите миру то, чего мужчины дать ему не в состоянии.

Загадка страдания

Лекция, прочитанная в Монтрё

Я без колебаний принял приглашение приехать в Монтрё с лекцией, потому что, как мне сказали, предстояло выступить перед объединенным собранием протестантских и католических приходов, и меня это чрезвычайно порадовало. Христианам очень важно собираться вместе и обсуждать общие проблемы, а что лучше подходит для такого рода сотрудничества, чем проблема страдания, – ведь она одна и та же и для протестантов, и для католиков, и для всех остальных.

Несколько месяцев назад мы устроили нечто подобное в моей деревушке Труанэ близ Женевы, недалеко от французской границы. Разница в том, что в Труанэ три церкви – протестантская, католическая и армянская православная. Мы организовали встречу христиан всех трех приходов, а выступала на ней знаменитая Сюзанна Фуше, французская католичка. У нее гораздо больше оснований говорить о страдании, чем у меня, потому что она мучилась неизмеримо больше. Я наблюдал страдание и сам его испытывал, но недолго, а говорить о нем должны бы те, кто страдал больше других.

Сюзанна Фуше написала книгу *Suffrance, école de vie* (*Страдание, школа жизни*), в которой рассказала историю своей жизни. Она хотела стать врачом, но в возрасте шестнадцати или семнадцати лет заболела туберкулезом позво-

Лекция, прочитанная на межконфессиональной конференции, организованной церквями в Монтрё

ночника. Двадцать лет она провела в постели, лежа на спине, в неподвижности, одна. Какая уж тут учеба! Жизнь сломана! Но и сломанная, эта жизнь не была пустой, а, напротив, очень и очень плодотворной. В санатории в Берк-сюр-Мере Сюзанна Фуше наблюдала, как плохо влияет на людей вынужденное безделье. У нее зародилась мысль подвигнуть их к более активному образу жизни. Она обратилась к ним: «Делайте, что в ваших силах!» Так зародилась Лига Сюзанны Фуше, ныне широко развернувшая свою деятельность: она руководит более чем тридцатью заведениями по всей Франции, где проходят реабилитацию инвалиды. Ее задача – дать возможность людям, потерявшим трудоспособность, пройти профессиональную переподготовку, чтобы опять работать и подняться вверх по социальной лестнице. Тогда они смогут достичь более высокого уровня жизни, что послужит им компенсацией за полученную в результате инвалидности неполноценность.

Я пригласил Сюзанну Фуше в Труанэ, чтобы она рассказала о том, как связаны между собой ее благотворительная деятельность и ее внутренняя жизнь, ее работа и посвящение себя Иисусу Христу. Она пережила страшный кризис, бунт против собственной судьбы, против того, что намечавшаяся профессиональная карьера была прервана, и жизнь остановилась. В ходе этого кризиса она сумела преодолеть все, что выпало на ее долю, и вернуться к активной деятельности. Она стала больше чем врачом. Буквально на днях я выступал близ Парижа перед группой из более чем двадцати врачей, работающих под ее началом. И таких много по всей Франции.

Я познакомился с Сюзанной Фуше много лет назад на конференции врачей-католиков, которую организовал в доме ордена иезуитов в Аннеси профессор Делор из Лиона. Мне сообщили, что будет Сюзанна Фуше. Я ее разыскал и сказал, как давно хотел познакомиться. Она ответила, что узнала, что будет Поль Турнье. «И поэтому я приехала – послушать Вас». Мы посмеялись и с тех пор остаемся близкими друзьями. Она принимала участие в конфе-

ренциях врачей, которые я организовываю вот уже двадцать пять лет. Я бы хотел воспользоваться случаем и сказать о них несколько слов.

Вскоре после окончания войны нам с женой случилось поехать в Германию. Если не считать оккупационные войска, мы были едва ли не первыми иностранцами, посетившими страну. Кругом царил разруха. Представьте себе картину 1946 года: все знали, что при дьявольском нацистском правлении врачей из хранителей жизни превращали в агентов смерти. Мы встречались с ведущими немецкими учеными; задумываясь над тем, что произошло, они приходили к пониманию, что медицина, превратившись в сугубо технический процесс, утратила свою глубинную жизненную силу. Она оказалась беспомощной перед лицом всемогущего государства, и оно сумело заставить врачей делать то, что было противно их совести. И это случилось не только в медицине, но и в других сферах, таких, например, как юриспруденция. Они подпали под власть государства, потому что уже не имели твердой духовной основы.

При своем зарождении медицина была чуть ли не священническим таинством, тесно связанным с религией. На современном этапе она стала беспристрастной – или безучастной. Врачи дошли до того, что говорят: «Избави Бог, вопросы религии не имеют к нам никакого отношения. Мы просто исполняем свой долг, и нет тут никакой этики, разве что профессиональная честность». Оглядываясь на трагедию нацизма, понимаешь страшную опасность, кроющуюся в таком нейтралитете, – из-за него медицина становится жертвой политических или социальных игр.

Немецкая лютеранская церковь, организуя такие конференции, руководствовалась идеей, что для восстановления правильной перспективы необходимо последовательно, беря одну профессию за другой, помогать людям пересматривать свою работу в свете Евангелия. Таким образом появился замысел устраивать подобные встречи, открытые для представителей всех областей деятельности и всех вероисповеданий, на международном уровне. Это был 1947

год; еще не прошел Второй Ватиканский собор, еще не был создан в Амстердаме Всемирный совет церквей, православные церкви еще не присоединились к экуменическому движению – такие конференции были крупным новым событием.

Была поставлена цель – заново найти изначальные источники медицины. Медицина занимается человеком. Наука, как ей и положено, видит только составляющие человека, то есть она методично расчленяет и разделяет его организм до мельчайших деталей. Чем больше она расчленяет, тем яснее видит. Науке известно, что такое печень, что такое почки; она выделяет шестнадцать функций печени и распознает тридцать два вида ревматизма. Но она упускает целое. Науке оно просто недоступно, она никогда не сможет его осознать. Откройте любой учебник: он содержит описание симптомов всевозможных болезней, но на вопрос, что такое болезнь, ответа вы не найдете. Есть описания всех органов человека, но определения, что такое человек, нет. То, что относится к целому, находится вне компетенции науки. Если мы хотим понять, какова природа человеческого существа, болезни, жизни, исцеления, то наше научное знание, техническое и аналитическое, мы обязаны дополнить, поставить в другую перспективу, не научную, а духовную.

Поймите меня правильно. Я вовсе не призываю к отрицанию науки. Великие ученые – те, кто понимает, что у науки есть свои границы. Они знают, что врач создает две вещи: высокая научная компетентность и доброе сердце. Но подарить доброе сердце научная выучка не в состоянии! Способность к отношениям, к налаживанию контакта с пациентом, к открытости, к дружбе с ним – все это не имеет никакого отношения к науке, а исходит, должно исходить, из другого источника.

Тридцать пять лет продолжаются эти сессии; они проходят в разных странах; коллеги из Америки, Европы, Азии собираются вместе и стараются определить христианскую позицию в медицине. Я не говорю о «христианской меди-

цине», потому что медицина одна. Но христианство может просветить врача – оно помогает понять, что такое человек, что такое болезнь, что такое страдание.

Я очень рад, что в этом деле всегда сотрудничал с экуменическим движением, этим великим явлением нашего времени, – всегда, чуть ли не прежде его основания! Действительно, я был принят как свой независимо от протестантской традиции, к которой принадлежу. Моя первая книга, *Médecine de la personne*, вышла на итальянском языке в переводе моего молодого коллеги, ныне римского профессора, президента итальянской организации врачей-католиков. Ее выпустило католическое издательство. Я написал книгу *Bible et Médecine*, и один известный врач перевел ее на испанский. Он предупредил меня, что книгу о Библии, написанную протестантом, издать в Испании будет нелегко, потребуется *nihil obstat* (визирование со стороны Католической церкви). Действительно, это заняло много времени, но теперь я горжусь тем, что на испанском издании моей книги стоит виза *nihil obstat*. Это свидетельствует о том, что врачи могут налаживать связи и преодолевать барьеры, создаваемые разными конфессиями и даже разными религиями. У меня установились контакты в мире ислама, я изучал возможности объединения не только христиан, но и иудеев, и мусульман на основе духовного взгляда на человека.

Врачи охотно вступают в споры, и на этих сессиях было довольно легко завязывать дискуссии о роде человеческого, о болезни, о Библии, о страдании. Но если ставить перед собой цель создать нечто дельное, врачам надо пойти дальше дискуссий и уже переходить на личностный уровень. Поэтому по вечерам мы приглашаем врачей поговорить об их собственной жизни, об их личном жизненном опыте. Чрезвычайно интересно, к примеру, услышать, как они один за другим говорят о своих переживаниях во время болезни. В том, насколько различны страдания и насколько по-разному люди на них реагируют, есть что-то очень волнующее. Можно почувствовать, как много вещей вызы-

вают резонанс в сердце человека. Врачам полезно самим перенести болезнь, но их память коротка; и только когда на наших встречах их просят рассказать о том, что они чувствовали, когда болели, это заставляет их снова становиться человеческими личностями. Вы знаете врачей – они имеют привычку витать в эмпиреях. Ведь посмотрите, как к ним все обращаются: «Да, доктор; обязательно сделаю, доктор» – вот и все. Перед врачами все расступаются. А надо, чтобы они сошли с пьедестала, если, конечно, они хотят снова стать человеческими личностями, и именно в этом им можем помочь их собственная болезнь.

Меня спросили о христианском подходе к страданию. Мне кажется, этот вопрос можно рассматривать с трех сторон: христианский подход к собственному страданию, христианский подход к страданию других и христианский подход к проблеме страдания как таковой.

Эта извечная проблема философии – проблема страдания – наряду с проблемой зла на протяжении веков мучила человечество, и ни один мудрец, ни один писатель слишком далеко в ней не продвинулся. Историко-философский обзор проблемы зла увел бы нас слишком далеко от нашей темы. Во всяком случае, ясно одно – ее решение до сих пор не найдено. Греки пытались подойти к ней рационально, и Христос явился как раз в тот момент, когда греческая философия торжествовала победу рационализма, в который все укладывалось без сучка без задоринки. Что же до Христа, то он никогда не смотрел на страдание как на отвлеченное понятие, как на теорию, или учение, или философскую категорию. Он рассказывал притчи, он встречался с немощными и исцелял их, он жил и страдал сам. Иисус пришел в мир отвлеченных понятий, который столь высоко поднялся в своей интеллектуальной культуре, что потерял ощущение реальности. А то, что принес Он, конкретно по самому своему существу. Иисус откликается на проблемы не абстрактно, а действительно, лично вмешиваясь и помогая. Его подход и к больным, и к здоровым – подход через живой опыт, через рассказ и притчу. Он соприкаса-

ется с нами не через наш разум, а через реальность наших проблем.

Библия от начала до конца утверждает, что страдание и зло характерны для нашего мира. Она описывает мир падшим, потерявшим свое первоначальное совершенство. Так, в начале Библии, в Книге Бытия, в поэтической форме излагается история грехопадения человека. В ней утверждается фундаментальная идея, что Бог создал мир совершенным, но потом произошел сбой, который принес страдания, болезни и смерть. Все эти враждебные силы – признаки дезорганизации, которую Библия и называет грехопадением. А почти в конце Библии, в Послании к римлянам, апостол Павел подхватывает ту же идею: «Грехом смерть вошла в мир». Так установлена связь между непослушанием и тем состоянием страдания, в котором мы живем. В Книге Бытия Бог говорит мужчине: «В поте лица твоего будешь есть хлеб», и женщине: «В болезни будешь рожать детей». Эти высказывания стали понимать так, будто Бог наложил на людей кару за неповиновение; я знавал коллег, которые говорили: «Мы теперь научились проводить роды без боли – значит ли это, что мы действуем вопреки Божьей воле?»

Но это не совсем верная постановка вопроса. Один мой друг, врач и юрист, профессор Жак Эллиуль из Бордо объясняет эти тексты так, что намерением Бога было не наказать человека, а скорее указать на последствия его грехопадения: «Хотел расправить крылья и делать все по-своему? Пожалуйста, но теперь увидишь, что из этого получится». Вот что такое плод с древа познания добра и зла: нежелание жить под водительством Бога. Я этот взгляд полностью разделяю. И из текста Книги Бытия, и из всего духа Библии следует, что Бог предупреждает человека: если тот попытается обойтись без Него и примется сам управлять своей жизнью, ему предстоит много страдать. Это не столько карательная санкция, сколько предупреждение.

В первых книгах библейского Откровения понятие страдания и его отсутствия тесно связано с понятием послу-

шания и непослушания народа Израиля. Тут речь идет о коллективных принципах. Но уже у пророков появляется понятие индивидуального характера послушания, личной ответственности. Встает вопрос – гарантирует ли повиновение Богу хорошее здоровье, а неповиновение – болезнь и страдание? Это – проблема кризиса сознания, и она раскрывается в Книге Иова.

Иов – человек, который переживает самые невероятные бедствия, не совершив ничего неугодного Богу. Он не только страдает тяжким недугом, но лишается жены, детей, скота и всего остального. Более того, его друзья под видом утешения вбивают ему в голову, что раз на него обрушились такие несчастья, то это скорее всего потому, что он великий грешник. Но Иов яростно возражает: это не так, это неправда! Книга Иова – это, конечно, вымысел, но она поднимает вечный вопрос: страдание – это наказание? И такое толкование опровергает не только автор Книги Иова, но и пророки Иеремия и Исаия.

А потом является Христос. К Нему приводят слепого от рождения, и один из учеников спрашивает: «Кто согрешил, этот слепой или родители его?» Ответ Иисуса категоричен: «Ни он, ни его родители». Мы здесь видим со стороны Христа четкое, ясное, определенное, абсолютное, высказанное недвусмысленно отрицание. Я бы мог много говорить по этому поводу, но одного этого текста достаточно, чтобы показать, что Христос обозначил Собою важный поворотный момент. Страдание связано с состоянием падения человеческого рода, который Он пришел спасти, но в то же время Иисус отказывается считать страдание следствием личного греха или коллективного греха данного сообщества. Это большой шаг вперед в библейском откровении.

Таким образом, Библия утверждает, что существует связь между грехопадением и страданием, которое (страдание) служит знаменем падшего состояния человечества, но она же уверяет нас, что больные ничуть не более грешны, чем здоровые. Поэтому я говорю здоровым: «Бойтесь фарисей-

ства, помните, что вы такие же грешники, как и больные».

Мы часто встречаемся с проявлениями самодовольства здоровых по отношению к больным, как если бы их здоровье было показателем нравственного превосходства над больными. И больные это ощущают. Христос же приносит нечто совсем другое – понятие Бога спасающего. Эта мысль присутствует уже и в Ветхом Завете – Бог наблюдает за людьми со Своего небесного престола и видит все их потребности. В библейском тексте Бог предстает разгневанным: «Они – дым для обоняния Моего, огонь, горящий всякий день» (Ис 65:5). Этот образ Бога, пылающего от гнева, – наглядный пример речи, передающей приписываемые Богу человеческие чувства. В Ветхом Завете страстный Божий гнев полыхает то и дело. Но само слово «страсть» означает страдание. Так что уже Ветхий Завет представляет нам свидетельство страданий Бога о грехах людей. Христос же идет еще гораздо дальше и вводит понятие колоссальной важности.

Знаете ли вы, что христианство – единственная религия страдающего Бога? Все религии стремились изображать Бога в самом привлекательном, самом возвышенном свете: Бог во славе – Бог здоровья – Бог (скажу ли?) совершенства! Христианство – наиболее поразительная религия из всех, потому что представляет Бога, Который страдает, страдает вместе с каждым больным и немощным, сопровождает каждого больного и немощного в его страданиях, страдает страданием каждого больного и немощного. Вот великая христианская проповедь для больных: Бог страдает от твоей болезни. Тот, кто говорит: «Я не могу верить в Бога, когда вижу все творящиеся в мире ужасы», не понимает, что яснее всех видит все эти ужасы именно Бог и что Он страдает от всего зла и всего страдания человечества. В Иисусе Бог не просто страдает из-за страданий других, но и страдает Сам, Своим собственным страданием. Иисус принимает страшные муки на кресте, которые ничем не заслужил, – вот высшее опровержение связи между грехом и болезнью.

Евангелие произвело полный переворот в подходе к проблеме страдания. Страдание, на которое в древнем мире смотрели с презрением и воспринимали как неизбежное зло, практически сводится на нет, когда страждущие становятся возлюбленными Бога. Достаточно вспомнить мучеников, радостно, с хвалебными песнопениями на устах шедших на съедение львам. Это преображение страдания – совершенно экстраординарное историческое событие. Церкви пришлось даже противостоять появлявшемуся то и дело стремлению обрести совершенство через страдание. Приведу одно из наставлений папы Пия XII: «Страдание нельзя делать самоцелью, но оно может быть средством в руках Божьих».

Существуют и другие толкования, на которых я хотел бы вкратце остановиться. Кое-кто пытался разрешить проблему путем отрицания зла, отрицания реальности страдания. Можно сказать себе «Я не страдаю» и тем самым проявить великую добродетель – веру. Субъективно устроенные души могут таким путем добиться некоторого успеха, но это решение не библейское. Библия, наоборот, смотрит страданию прямо в лицо. Можно даже сказать, что Библия – книга страдания.

Другие христиане подчеркивают возможность исцеления через Духа Святого. Они также носят свидетельство великой силы веры, но, сосредоточив внимание на победах веры, упускают часть Евангелия, Крест. Немало больных обращаются за исцелением к вере. Это может принести пользу, а может и вред: «Если люди веры, верующие в могущество Духа Святого, пытались исцелить меня и не смогли, значит я, скорее всего, недостоин спасения и Божьего исцеления». Таким образом, мы вернулись к идее вины. Вы можете понять, почему врачи так остро осознают опасность толкований, которые как бы порождают чувство стыда за свою болезнь. Больным свойственно стыдиться своей болезни, того, что они становятся обузой для родных и друзей и теперь бесполезны. Так что врачу приходится быть очень осторожным перед лицом всякого три-

умфалистского подхода, который не может быть оправдан во всех без исключения обстоятельствах.

Итак, чтобы закончить с этой стороной проблемы страдания, скажем, что христианский подход к ней – это прежде всего смирение. Смирение признать, что есть проблемы, которые разумом не разрешить. Карим Ага-хан, лидер одной из мусульманских сект, однажды сказал журналисту, спросившему его, от Бога ли исходит страдание: «Я не позволяю себе задаваться этим вопросом». Вот урок для всех нас, причем совершенно в рамках библейской перспективы. У Бога есть тайны. У Бога есть секреты, в которые нам проникнуть не дано. Собственно говоря, мне следовало бы молчать, это вы попросили меня говорить. Вот я и говорю, но с тем, чтобы показать, что ответа нет, что христианская мысль – не проникнуть в тайны Бога, но склониться перед ними. «Мир несказанно таинствен и полон страдания», – писал Альберт Швейцер. Он был врачом и христианином и хорошо познал безграничность человеческого страдания. Он посвятил себя делу облегчения этого страдания, но сознавал и признавал присутствие тайны.

Гораздо больше может сказать христианство о второй стороне проблемы – о христианском подходе к страданиям других. Христианство привнесло в человеческую жизнь *сострадание*. До него слабые, беспомощные, раненые были объектом поношения. К ним относились как к отверженным. Христос же – и в Своей жизни, и в Своем учении – придал им особую значимость. В результате положение изменилось ровно на противоположное, и ныне даже нехристианские страны живут под историческим влиянием этой произошедшей в умах трансформации. С того времени беспомощные, дети, больные стали объектом не презрительного отношения, а сострадания.

Перед лицом страдания других христианин – Божий человек, самими принципами своей веры призванный оказывать им помощь, облегчать их участь. Притчи о добром самарянине и добром пастыре чрезвычайно поучительны для врача. В них он слышит призыв Господа прийти на по-

мощь другим, и это привносит в его деятельность исконно присущее ей измерение. Врач становится сотрудником Бога.

Страдание человеческое безмерно. Мы не знаем, откуда оно, но Бог не остается к нему равнодушным и шлет Своих слуг на помощь страждущим. Бог может даже преобразить страдание, сделать так, что страдающие больше других принесут и плодов. Я возвращаюсь к примеру Сюзанны Фуше, чье служение инвалидам именно потому столь плодотворно, что она сумела принять христианский подход – смирение и сострадание.

Человечество стало намного более сострадательным за время жизни моего поколения. Мы знаем, как безразличны могут быть христиане к бедствиям, с которыми они непосредственно не соприкасаются. Но когда в наши дни объявляют о какой-либо катастрофе, на это сразу же откликаются люди, которые не могут оставаться счастливыми и беззаботными, когда в мире произошла беда. В то же время Библия не оставляет иллюзий: всегда будут на земле бедные, всегда будут страдающие. Крестный путь – это умение принимать страдание, неудачу, невозможность достичь определенной победы как данность.

Кьеркегор, один из величайших мировых мыслителей-христиан, сказал на смертном одре: «Моя жизнь – великое страдание, о котором другие не знают, которое непостижимо». Он подчеркнул именно эту отличительную черту страдания – невозможность объяснить его другим. Мы никогда не сможем по-настоящему почувствовать глубину чужого страдания. Мы бросаемся выражениями типа «Я понимаю, как тебе плохо», но это зачастую не более чем дежурные фразы. Тот, кто страдает, очень хорошо знает, что его страдания непередаваемы, и мы сильно недооцениваем проблему, когда полагаем, что можем поставить себя на его место. Как-то пришла ко мне безутешная вдова. Я сказал ей: «Честное слово, сударыня, мне, не испытывавшему потери жены, трудно понять, что значит овдоветь». Она была сильно удивлена и ответила: «Все стара-

ются меня утешить. Вы первый, кто сказал мне правду». Впоследствии эта женщина стала замечательной, деятельной христианкой. Да, многое из того, что человек говорит, пытаюсь утешить другого, нисколько не утешает, потому что не несет в себе зерна правды. Мы должны понимать, что никто не способен, как Христос, на всеобщее и полное сострадание. Возможности каждого из нас ограничены, и это особенно ясно проявляется перед лицом смерти. Врачи, чье самое сокровенное желание – прийти на помощь страдающему, совершенно теряются, когда имеют дело с неизлечимо больными. Многие из них признавались мне: как только выясняется, что они больше не могут ничем помочь, им становится трудно общаться с пациентом, на которого они смотрят как на уже потерянного.

Я где-то прочел о некоем американском психологе, который поселился в коридоре одной из больниц Нью-Йорка. Выяснив, в каких палатах лежат умирающие и в каких – выздоравливающие, он с секундомером в руках проверил, через какое время медсестры реагируют на вызов. Оказалось, что на вызов выздоравливающих они приходят в два раза быстрее, чем на вызов неизлечимых больных. Он заговорил с ними об этом, и сестры изумились: «Нет, нет, – говорили они, – мы бежим сразу, как только загорится лампочка... Да и вообще, мы не знаем, кто нас вызывает – умирающий или кто-то другой». Но ведь он не ошибался в своих измерениях, значит, сестры действовали бессознательно. Мы все в той или иной мере боимся страданий и способны разделять страдания других лишь до известных пределов. Это относится даже к самым глубоко верующим из нас. Тот же автор описывает случаи, когда священники, чтобы избежать глубокого личного контакта, принимались читать вслух отрывки из Библии. В больницах люди порой умирают в полном одиночестве, вокруг них царит нечто вроде заговора молчания.

Теперь пора обратиться к последней теме: отношение христианина к собственному страданию. Принимать! Это трудно. Сдаться, смириться с судьбой легко, но заслуги

никакой в этом нет. Старик, заползающий в угол, чтобы там умереть, больше похож на раненое животное, чем на человека. Бунтовать! Вот это естественная реакция, и нечего стыдиться бунтовского чувства, которое охватывает тебя под ударами судьбы. Большинство людей его скрывает, но первая реакция, нормальная в глазах врача и психолога, – именно бунт. Откройте Библию, и вы увидите, что люди самой великой веры были бунтовщиками – Исаия, Иеремия и все остальные. Даже в самом Иисусе бродил бунтарский дух. Так что не надо стыдиться бунта. Бунт – это естественно. Он необходим, потому что помогает преодолеть негодование и прийти к подлинному принятию, причем не усилием воли, а с помощью Святого Духа.

Цель жизни – не избегать страдания, а сделать так, чтобы оно приносило свои плоды. Христос предупреждал Своих последователей, что им предстоит невзгоды и гонения. А св. Франциск говорил: «Благо, на которое я уповаю, столь велико, что всякое страдание для меня радость». Вот торжество духа и веры, способных преобразить страдание в радость – в радость более близкого познания Бога.

Когда мой младший сын сломал ногу, он сказал: «Наконец-то со мной хоть что-то случилось!» Мы так старались оградить его от всякой опасности, что у него появилось ощущение, будто он вовсе не живет. Кто не страдает, тот не живет. Я знал людей, которые поняли, что, только испытав страдание, они начали жить. Оно может заставить нас воззвать к Богу. Кальвин, мучившийся болями в животе, бывало восклицал с присущей ему пылкостью: «Боже мой, как Ты меня терзаешь!» Много ли святых испытали это преображение страдания – не в философском смысле, как если бы его посылал Бог, а в том смысле, что оно заставляет обратиться к Богу? А что может быть смыслом жизни, кроме поиска Бога?

В Книге Иова, о которой я уже говорил, ответа на загадку страдания праведников нет. Бог гремит громами и блещет молниями в облаках. Это поразило Юнга-философа – он счел, что Бог не прав, оставив Иова без ответа. И все же

в конце Иов встречается с Богом и говорит Ему: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя». Да, страдание может служить благоприятной возможностью встретить Бога лицом к лицу. Мне вспоминается одна женщина, чья дочь умерла во цвете лет. Она пришла ко мне и сказала: «Отныне у меня есть связующая нить с небесами». Действительно, самое тяжкое горе может создать единение с небесами. Мы как бы оказываемся частью своего существа на небесах, потому что там наше сокровище, и мы желаем воссоединиться с ним.

Напоследок затрону проблему смысла. Тот, кто не находит смысла в жизни, страдает вдвойне. Он страдает самим страданием, и кроме того, мучается оттого, что ощущает его бессмысленность. Один из крупнейших психоаналитиков современности, Виктор Франкль из Вены, всегда подчеркивал необходимость для человека найти смысл жизни. Со времен Фрейда некоторые из его последователей старались представить психоанализ как панацею от всех проблем человечества. Фрейд, человек честный, предостерегал их против этого: «Психоанализ вполне может преобразовать невротическое страдание в страдание человеческое, но человеческое страдание простирается дальше — с ним психоанализ поделать ничего не может».

Сам Фрейд страдал ужасно. За десять лет он перенес тридцать две операции по поводу рака гортани и в результате не мог ни есть, ни пить, ни говорить. Человек величайшего смирения, он принял все это с выдающейся стойкостью. Долог путь от Фрейда, призывавшего: «Человеческое страдание вне сферы нашей компетенции», до Франкля, сказавшего: «Величайшая потребность человека — найти смысл в окружающем, смысл в жизни». Современный человек страдает от отсутствия смысла, от того, что Франкль называет экзистенциальной пустотой. Большинство наших современников существуют в водовороте продукции массового потребления; наша ориентированная на потребителя цивилизация вертится по замкнутому кругу без всякого смысла.

Вы понимаете, за что мы боремся! Наша цель – помочь людям смотреть на вещи не только в их технологическом, внешнем, внечеловеческом аспекте, но и увидеть, что поставлено на карту на человеческом уровне, в жизни каждого человека. Это усилие веры, которая поможет найти смысл даже в страдании, в провале, в ампутации ноги – и приблизиться к Спасителю.

В основе Евангелия лежит не учение, а личность, страдающее существо. В страдании христианин может приблизиться ко Христу и слиться с Ним в Его смерти и в Его победе. Зрелость личности, полное взросление духовного существа не приходят, увы, без страдания или, по крайней мере, без причастности страданию других.

У католиков есть понятие, неизвестное протестантам, – принесение в жертву своего страдания. Мне кажется, мой долг как врача и протестанта заявить, что они правы. Апостол Павел говорит о своих страданиях как о способе осуществить все то, что еще предстоит пережить Христу. «Не я живу, но Христос, Который живет во мне», – говорит он. Это слияние с Христом – хорошо известный психологический феномен. Он называется общностью, причастностью. Единение с Иисусом соединяет нас с другими в уверенности, что высшая надежда – не от мира сего, а в новом мире, в новом миропорядке, где, как говорится в Книге Откровения, не будет смерти, печали и воздыхания.

Можно сказать, что нынешнее общество осознает свою ответственность за облегчение страданий, но в отношении к смерти еще не определилось. Не следует ли ввести специальный курс для медицинского персонала, который мог бы помочь изменить такое отношение к вопросу, о котором Вы говорили в связи с американскими сестрами?

Это необходимо, и для врачей не меньше, чем для сестер! Молчание вокруг темы смерти – своего рода потворство друг другу и самим себе; говоря с больным о посто-

ронних вещах, мы занимаемся самоуспокоением. Нередко нам известно, что умирающий знает о приближающейся смерти, и все же боимся говорить с ним об этом. Мы думаем, что щадим его чувства, а на самом деле боимся собственных. С точки зрения психологии это табу, проблема, которой нельзя касаться. Если мы решимся заняться этой запретной темой, может быть, нам удастся сорвать с нее покров тайны, как это случилось с сексом, о котором мы начали говорить открыто. В некоторых странах Дальнего Востока отношение к смерти другое: для старого человека заранее изготавливают гроб и выставляют для родных и друзей, чтобы они могли прийти и посмотреть на него. В таком фамильярном отношении к смерти нет ничего недостойного человека, напротив, в этом заключена своеобразная красота.

Это табу по отношению к смерти страшно омрачает нашу жизнь. Мы ведем себя так, будто смерти не существует. Смерть – неизбежный переход из одной стадии жизни в другую, ее можно сравнить с рождением. Младенец во чреве матери не знает, куда лежит его дальнейший путь. Он узнает об этом опытным путем, и так же мы из собственного опыта узнаем о мире по ту сторону смерти. Даже те, кто вполне в этом убежден, вроде нас с вами, если быть абсолютно честным в своем восприятии смерти, подвержены сомнениям. Так что нужно прежде всего добиться победы над собой, и тогда мы сможем что-то сделать, чтобы помочь другим людям.

Я был знаком с одной парой. Муж знал, что жена умирает, и она знала тоже, но до последнего момента они не говорили об этом друг с другом. И сами врачи расходятся во мнении – правильно ли говорить человеку о том, что он скоро умрет?

Может быть, то, что я сейчас сказал, сказано несколько сгоряча, и вы правы. Конечно, надо быть тактичным. Все зависит от уровня общности, от степени близости. У меня

был друг, хирург, работал главврачом в крупной больнице. Его сын в возрасте семнадцати лет заболел раком и целый год медленно умирал. Все это время юноша не переставал выказывать уверенность: «Папа меня вылечит». Мой друг часто приезжал в Женеву, чтобы облегчить со мной душу. Он говаривал так: «Мне приходится собираться с силами, чтобы войти в палату и увидеть малыша – он неуклонно приближается к смерти, а все твердит “Я уверен в отце, он меня вылечит”».

Мальчик умер. Шли годы. Восемь лет спустя мой друг-хирург встретился с лучшим другом своего покойного сына, и тот сказал: «Ваш сын знал, что умирает. Он мне как-то раз сказал об этом и добавил: “Я не хочу причинять отцу огорчение, вот и говорю всем, что он меня вылечит”».

Это – настоящая драма: отец знает, что сын умирает; сын знает, что умирает, но повторяет: «Я уверен в отце, он меня вылечит», чтобы избежать эмоций и не доставлять страданий отцу; и это «Я уверен в отце», берedaющее отцу душу и воздвигающее между ними стену, – они не могли говорить друг с другом! Отец обезумел от горя. Много лет он оставался сломленным человеком, пока, наконец, Бог не сподобил его принять смерть сына как свершившееся. Теперь он достойно несет свое служение как врач и христианин, но, как видите, он пришел к этому ценой большого страдания.

Ясно, что Ваше призвание – говорить с пациентами библейским языком. А встречались ли Вы со случаями скрытности с их стороны?

Знаете, я мало говорю. Я слушаю. Меня иногда спрашивают, навожу ли я пациентов на разговоры о религии. Ни в коем случае. Роль врача – следовать за пациентом, быть готовым принять все, что он расскажет; это прямо противоположно тому, чтобы вести его или проводить урок по религиоведению. У меня всегда такое ощущение, что я сопровождаю пациента. Но ведь это очень серьезное дело.

Мои пациенты в конечном счете сами приходят к своим самым насущным проблемам, – а большинство врачей именно в этот момент прерывают диалог. «Это, – говорят они, – материи, о которых вам лучше поговорить со священником». А ведь врачу больной вверяет себя, и потому он должен быть готов следовать за своим пациентом по всему лабиринту его жизни.

Случалось, что священники и проповедники спрашивали меня, как мне удастся постоянно вести духовные разговоры с людьми. Я отвечаю, что не прилагаю никаких особых усилий. Они считают людей равнодушными, а дело просто-напросто в том, что люди стараются защитить себя от тех, кто принимается им проповедовать. Люди боятся, что их будут дурачить, а с человеком вроде меня им бояться нечего. А если возникают сомнения, они об этом прямо и говорят. Помню, один из лидеров коммунистической партии прислал мне письмо с просьбой принять его, и там было написано: «Я знаю, что вы врач-христианин, но надеюсь, что это не создаст проблем между нами. Я буду приходить к Вам на консультации при условии, что Вы не будете говорить со мной на религиозные темы». Я ответил, что согласен, и мы провели вместе большую работу. Но после третьего сеанса я сказал ему:

- Мне очень жаль, но я не могу продолжать.
- В каком смысле?
- В самом прямом – не могу, и все.
- Но почему?

– Вы взяли с меня обещание не касаться религиозных вопросов, а сами только об этом и говорите.

Люди задают вопросы, и поиск смысла жизни – удел не одного только Франкля. Подход, который я рекомендую, – быть готовым поддерживать диалог, не прерывая его и не уходя от него. А уйти очень легко. Всего только и надо, что спросить: «Кстати, ваша теща, как она, оправилась от гриппа?» – и все, диалог прерван. Прерван намеренно, с помощью хитрой уловки. Надо быть по-настоящему требовательным к себе и понимать, что диалог врача с паци-

ентом, как и священника с прихожанином, – дело ответственное; никто не вправе от него уходить по своему капризу. Надо быть готовым следовать за пациентом до конца, даже если он приведет вас к обсуждению вопросов жизни и смерти – пациент, а не вы. Этот подход прямо противоположен менторскому. Учить – дело не мое, а церкви. Я никого не учу. Я пытаюсь сопровождать людей.

У меня такое ощущение, что на диалог с пациентом просто не хватает времени. Все время уходит на сугубо медицинские материи, а диалог на духовном уровне почти невозможен.

Это, безусловно, правда. Современная жизнь захлестывает нас, все на это жалуются, а пытаемся ли мы что-нибудь изменить? Так что, пусть это и правда, но надо осознавать, что мы все за это в ответе. Мы все в той или иной мере следуем современному стилю жизни, мы сами не оставляем себе времени помедитировать, поразмышлять, позаботиться о ком-то конкретно. Мы не просто жертвы, мы сами в известной степени виноваты. Ведь на то, что мы считаем для себя очень важным, мы время находим. И если мы по-настоящему будем стремиться к углубленной медицине, к диалогу с пациентом, то и на это найдется время. Может случиться, что разговор приведет нас к самой сердцевине проблемы и тем самым сэкономит уйму времени, которое иначе мы потратили бы на всякие технические вмешательства, уколы и прочее. Я не утверждаю, что проблемы со временем не существует. В моем преклонном возрасте мне приходится ограничивать круг своей деятельности, и организовать свое время мне нелегко. Я встречал множество людей, чья жизнь сплошная неразбериха именно из-за того, что они не умеют ее рационально организовать. Недурно бы спросить себя, с пользой ли мы тратим тот небольшой отрезок времени, что нам отпущен, или позволяем суете нашей современной жизни швырять нас из стороны в сторону, как щепку в потоке. Вот такие дела. В

то же время можно в самой гуще и суете мира стать монахом.

От лица нескольких моих коллег я хотел бы выразить Вам благодарность за возможность читать Ваши книги, которые много лет служат руководством в нашей жизни. Сегодня Вы упомянули Кьеркегора и Франкля. А как насчет Алексиса Каррела, который был, как и Вы, врачом и много лет работал в Рокфеллеровском институте. На мой взгляд, его книга Человек Неведомый¹ незаслуженно мало известна, а ведь это подлинный учебник жизни, написанный христианином, врачом и ученым. Ваши книги мы знаем хорошо, а работа Каррела почти неизвестна нашим современникам. Как Вы думаете, почему?

Я разделяю Ваше восхищение Каррелом. Был такой момент в моей жизни, в 1937 году, когда Бог послал мне перемены в моей профессиональной карьере; он велел мне либо оставить профессию, либо внести в нее изменения. Я выбрал второй путь. Но как его осуществить? Я много думал и медитировал. Мы с Нелли уехали на море, две недели я провел там в размышлениях, но Божий голос не прозвучал. Но ведь, знаете ли, молчание Бога тоже призвано учить чему-то. Я меня появилась только одна мысль – перечитать *Человека Неведомого* и посмотреть, не найдется ли там, на границах науки, – а книга Каррела как бы подводила итоги развития науки, – чего-нибудь такого, что моя вера могла бы привнести в медицину. И тогда Бог сказал мне: «Начни с того, что Я тебе указал, и потом Я тебе подскажу, что делать дальше». Нам всегда хочется иметь какую-нибудь грандиозную программу действий, исполненную великих идей, а суть в том, что начинать следует с идей небольших. Моя небольшая идея состояла в том, чтобы перечитать Каррелла, и так я и сделал.

По-моему, репутации Каррелла навредило то, что маршал

¹ Alexis Carrel, *Man the Unknown* (Penguin Books, Harmondsworth, 1948) (Прим. составителя)

Петен сделал его министром здравоохранения. Со стороны Петена это был гениальный ход, но для Карелла обернулось большим несчастьем, потому что он со всей наивностью ученого с энтузиазмом бросился в работу и оказался скомпрометирован. До сих пор во Франции его имя стараются не упоминать. Он пал очередной жертвой политики и вызванных войной размежеваний. Я думаю, что ответил на Ваш вопрос. Но это мое мнение, а Вы вполне можете радоваться тем истинам, которые он излагал, в частности, в своем маленьком сборнике молитв.

Как сделать брак

ЖИЗНЕСПОСОБНЫМ

Статья для сборника, опубликованного в
США в 1982 году

Мы с Нелли обручились в 1920 году, но не объявляли о помолвке до самого 1923 года, а поженились в 1924. В те времена в добрачные сексуальные отношения не вступали и до окончания учебы не женились. С тех пор нравы сильно изменились, но я не уверен, что нынешняя молодежь более счастлива, чем были мы.

Мы с женой происходим из одного общественного слоя, наши семьи были знакомы. Ее бабушка изучала катехизис в одном классе с моим отцом, нашим духовным наставником был один пастор, преемник моего отца в соборе. Мы ближе узнали друг друга, исполняя параллельно общественные обязанности в его классе по катехизису.

Поэтому естественно, что нашим желанием было обустроить христианский дом, что предполагало не только вечерние молитвы, которые я всегда читал, но и время от времени совместные маленькие службы, просто для нас двоих. Нелли была застенчива, так что отрывки из Библии читал опять-таки я сам. Я достаточно много знал, чтобы добавлять к чтению краткий комментарий, а также молитву. Собственно, я исполнял роль пастора, а она – прихо-

Статья для сборника *Marriages that Work and How*, ed. by Professor A. Don Augsburger (Herald Press, Scottsdale, Pa., 1982)

жанки. Но все это проходило без особого энтузиазма, с каким-то напряжением, так что нужды продолжать исполнять этот ритуал, который мы воспринимали как необходимость, не более того, мы не ощущали.

И все же мы жили очень хорошо. Ни один из нас не сомневался во взаимной любви. Нелли меня обожала, и мне это льстило. Она едва отваживалась противоречить мне или критиковать, разве что изредка. Но это происходило всегда неожиданно и бурно; я относил эти взрывы на счет ее вспыльчивого характера. А вспыльчивость я объяснял тем, что в детстве ее сильно недооценивали, постоянно сравнивали с сестрой, которая, не в пример ей, всегда отлично училась и с большей легкостью, чем она, приспособлялась к узко-конформистским взглядам их семейства.

Я ей все это объяснил, и все время стремился поощрить в ней чувство уверенности в себе, – а сам того не понимал, что, чем больше наставляю и поучаю, тем больше ставлю ее по отношению к самому себе в положение зависимости. То же происходило и при ее неконтролируемых вспышках: я старался сохранять спокойствие и очень этим гордился, пока, наконец, меня не стало порывать взорваться самому. После этого мы оба плакали и мирились, как и положено добрым супругам-христианам.

Конечно, такое случалось редко, и в целом мы считали свой брак удачным. Но, по сути дела, конфликты оставались неразрешенными. Как-то раз я разговаривал с одним английским коллегой и высказал озабоченность по поводу того, что у одного врача, нашего общего друга, очень нервная жена. Англичанин тогда ответил: «А вы не думаете, что если у него такая нервная жена, то виноват в этом он сам?» Я ничего не сказал, но сильно задумался. Возможно ли, спрашивал я себя, что нервозность Нелли объясняется не пережитым в детстве, а ее нынешним положением? Но своей вины в этом я не видел никакой.

И как раз в это время мы были посвящены в новое заня-

тие – проводить время в молчании наедине с Богом – и это, вообразите, в 1938 году! Еще несколько месяцев, и тому минет полвека! Однажды ноябрьским вечером в гостях у друга я познакомился с людьми, которые недавно вступили в так называемую Оксфордскую группу – движение, зародившееся в среде студентов этого университета. Я ничего о нем не знал, кроме того, что оно нравственно преобразило одну из моих пациенток с очень трудным характером. В группу входили три весьма знаменитые человека из Цюриха и несколько – из Женевы, в том числе одно высокопоставленное лицо из Лиги Наций.

Вначале наше общение было не очень плодотворным, потому что я хотел поговорить об их принципах и практике, а они все приводили эпизоды из личной жизни. Впрочем, чиновник Лиги Наций сказал, что вот уже несколько месяцев каждое утро проводит довольно продолжительное время – в среднем час – в молчании, прислушиваясь к Богу. Это задело меня за живое, потому что я очень хорошо осознавал бедность своей личной духовной жизни при всей моей вовлеченности в дела церкви.

И вот наутро я тихонько, чтобы не потревожить Нелли, поднялся на час раньше обычного и направился в кабинет со словами: «Посмотрим, что выйдет, если я буду час слушать Бога». Но час прошел, и мне не в чем было отчитаться. Я вполне мог генерировать в уме идеи для проповедей, но очень хорошо понимал, что ищу не этого, а чего-то очень личного. Тем не менее, когда я выходил из кабинета, меня посетила мысль, что этого недостаточно и надо попробовать еще. И вслед за ней другая: «Ага! Может быть, эта мысль именно и пришла от Бога!»

В том, что Бог Библии – это Бог, который говорит, я ничуть не сомневался. Это можно увидеть прямо с первых же страниц. И Он говорит, не только обращаясь к людям вообще, как, скажем, когда диктует Закон на горе Синай, но и к человеку лично, когда, например, посылает Моисея

к фараону, или будит ребенка-Самуила, или велит Иеремии пойти в дом горшечника. Я понимал, что дело во мне, что это я не умею слушать. Мне пришлось приложить немало усилий, прежде чем я постепенно научился этому. Разумеется, не обошлось без множества ошибок. Ведь очень нелегко понять, от Бога ли пришла данная мысль. Но я постиг вот что: важно не то, чтобы не совершать ошибок, а то, чтобы приблизиться к Богу, чтобы более чутко внимать ему.

Две недели спустя мы с Нелли поехали в Лион. Мы рано вышли из дома, прошлись по магазинам и решили пообедать. Я сказал смущаясь:

– Я бы хотел вернуться пораньше, потому что мне надо кое-что сделать, я утром не успел.

– Да, я тоже, – сказала она. – Я взяла в обычай медитировать по утрам. Это мне посоветовала жена твоего приятеля-голландца из Лиги Наций.

Мы посмеялись, обнаружив, что скрываем друг от друга дело, которому себя посвятили. Но это и понятно – прежде чем об этом рассказывать, мы хотели добиться каких-то результатов.

Мы решили попробовать помедитировать вместе. И что же? Мы оба испытали ту же неловкость, что и на наших мини-службах! Я не ощутил внутренней тишины, все портили мои эмоции; прошло время, а я не услышал ничего, что стоило бы записать. К счастью, Нелли сказала: «Надо завтра попробовать опять – спросим Бога, откуда это чувство неловкости». На следующий день я был более собран, но что записал, не помню. Но я никогда не забуду, что записала Нелли: «Знаешь ли, ты для меня учитель, врач, психолог, даже пастор, но ты мне не муж».

Это не было сексуальным притязанием. В этом смысле мужем я ей как раз был. Но это был призыв к равенству. Не может быть истинного общения без равенства, а истинного равенства – кроме как перед Богом: не равенства в зна-

ниях и делах, а равенства в бытии, в существовании как личностей. В этом мы можем ощущать себя равными друг другу при всех своих различиях. Я был интеллектуалом, Нелли – нет; я был спорщиком, генератором идей. И вдруг Нелли, вдохновленная Богом, точно попадает в мою проблему, о которой я и не подозревал. Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы увидеть и осознать ее, и несколько лет, чтобы понять ее полный смысл, – ведь мужчины так уверены в превосходстве своей рациональности перед интуицией. В одиночестве своего сиротского детства я подавил в себе все эмоциональное и компенсировал его чрезмерной интеллектуальностью, чтобы добиться доступа в общество через безличные игры идей, дискуссий и поступков, – ведь выразить свои подлинные чувства я не мог.

Даже моя вера состояла из мыслей о Боге, об Иисусе Христе, о человеке и спасении – словом, из догм. А что же говорить о жене? Я произносил перед ней речи, давал ей уроки психологии, философии, чему только не учил. А говорить о чувствах, о страхах, о моментах отчаяния – не мог. И все это всплыло во время наших долгих молчаливых бдений – картины пережитого, болезненные воспоминания, невысказанные сожаления, неисполненные обеты. И именно тогда я впервые в жизни оплакал смерть отца и матери.

О, эти первые годы совместных безмолвных бдений – как они преобразили наши отношения! Я научился по-настоящему слушать жену. Мы были друг для друга как бы духовниками, и с тех пор знали друг о друге, в той мере, в какой это вообще возможно в этом мире, самое сокровенное. В эти часы мы поведали друг другу так много, как никогда не смогли бы сказать в суматохе повседневной жизни. Даже те пары, что очень близки между собой, бессознательно подвергают цензуре свои слова; у многих вполне счастливых пар есть немало того, о чем они никогда не говорят, причем ради сохранения мира и во избежание конфликтов. В таких случаях все эмоции подавляются, и кон-

фликт остается неразрешенным.

Аналогия между совместной религиозной медитацией и психоанализом очевидна. Ведь не кто иной, как Фрейд, заново открыл, только в нерелигиозном контексте, силу молчания и чуткого внимания, слушания. Но есть между ними два существенных различия. Психоаналитик хранит молчание, в частности, он не делится с пациентом своими собственными наблюдениями, тогда как в религиозной медитации процесс обоюдный; кроме того, в ней идет интенсивный поиск Божьего присутствия, что вообще характерно для медитации. Пребывая в Божьей любви, можно сказать все. В психоанализе также работает любовь аналитика – отражение Божьей любви, даже если он об этом и не знает, и именно она помогает пациенту сказать то, чего он никогда прежде произнести не смел, и пробиться сквозь механизмы самозащиты.

И так мы проводили наши трехсторонние встречи – Бог, Нелли и я – по меньшей мере раз в неделю на протяжении более сорока лет. Такое совместное безмолвие дополняет личное, одиночное, и наоборот. В этом корни всей моей последующей деятельности и карьеры. Это позволило Нелли в полной мере разделить мою работу, не вмешиваясь при этом в проблемы моих пациентов и ничего о них не зная, – ведь во время медитации я озабочен своими собственными тайнами, а не секретами других.

На одной из международных конференций по вопросам медицины личности как целого, все участники которой хорошо нас знали, доктор Поль Платтнер привел нас с Нелли в качестве иллюстрации к учению К.-Г. Юнга об эволюции функции брака и социального столкновения полов. «Поль, – сказал он, – был когда-то псевдоинтеллектуалом, который подавил свою эмоциональность и развил в себе объективность. В контакте с Нелли он заново открыл свою истинную природу – ту чувствительность, которая и сделала его тем, что он есть, – врачом личности как целого.

Нелли же, которая школу не любила, подавила в себе интеллектуальную функцию и чрезмерно развила эмоциональную. В контакте с Полем она полюбила использовать идеи, причем, как видите, использовать очень успешно». Так что дело не только в том, чтобы распознавать в браке подводные течения и по возможности их устранять, но и в том, чтобы каждый из партнеров рос, превосходил сам себя и достигал того, что Юнг назвал индивидуацией. А сам этот результат, который служит движущей силой всего процесса, проистекает из решимости мужа и жены вместе приблизиться к Богу и чутко вслушиваться в Его голос.

Учиться стареть

Два интервью швейцарско-французскому радио 1973 и 1974 года

Доктор, сколько в жизни человека, по-вашему, важных переломных моментов?

Систематизация – вещь опасная, но коли вы настаиваете... На самом деле я бы говорил о трех главных периодах – детстве, трудовой жизни и жизни на пенсии. Между этими тремя фазами – два поворотных момента. Первый, переход от детства к взрослому состоянию, служит объектом пристального исследования со стороны психологов, особенно фрейдовской школы. Чтобы стать взрослым, надо перестать быть ребенком, и это нелегко. Многие так и остаются до конца дней детьми. Второй поворотный момент – между трудовым периодом и тем, что Юнг назвал вечером жизни. Я упомянул Юнга потому, что именно он глубоко изучал этот поворотный момент. Чем интереснее была трудовая жизнь, тем труднее переориентировать свое существование. Следовательно, этот поворотный момент между трудовой и послетрудовой жизнью – ее теперь иногда называют третьим возрастом – нелегкое время, оно нередко приводит к травмам, которые могут оказаться роковыми.

Иными словами, старость наступает тогда, когда че-

Два интервью швейцарско-французскому радио: 1) с Jean-Pierre Goretta, 16 June 1973, 2) в журнале Medical Magazine, 1974

ловек отходит от дел?

Да, но, знаете ли, еще и раньше. С точки зрения врача, человек начинает стареть с первого дня своей жизни. На старение уходит вся наша жизнь. Вся наша жизнь – это нечто вроде основного капитала, который мы постепенно тратим. Надо научиться спокойно готовиться к следующей стадии, пока длится предыдущая. Например, пребывая в детстве, мы должны готовиться к трудовой жизни, так же как во время трудовой жизни – к старости. Но люди настолько поглощены работой и порой так закаменевают в ней, что уход на пенсию застает их врасплох. Они не успевают обеспечить себя на будущее чем-то долговечным, таким, что будет всегда с ними, даже когда работы больше нет. А это и есть подготовка к уходу на пенсию. Это значит жить так, чтобы готовиться к старости, при которой жизнь будет более полной и содержательной и которая станет апофеозом жизни – выражение д-ра Дюркхайма – ее вершиной, а не откатом назад.

Это потому, что, в сущности, человека формирует его работа?

Несомненно!

И именно работа придает смысл его существованию?

Конечно, безусловно! Поймите, бесчисленные массы людей полностью формирует их работа, некая неизменная последовательность действий. Каждый день в одно и то же время они садятся в электричку или в автобус, видят одни и те же лица, проделывают одни и те же действия – и так тридцать лет, сорок, пятьдесят лет кряду. Они читают только одну газету, даже отпуск проводят по комплексной программе. Короче говоря, все направлено на то, чтобы подавить личную инициативу, погасить индивидуальное воображение, особенно воображение, – в организации не стоит

особенно его проявлять, а не то на вас будут коситься как на смутьяна. Рутинa убивает личность, низводит людей до положения роботов. И когда наступает свобода, – а ведь достижение свободы в конечном итоге – цель жизни человека, – они не знают, что с ней делать.

А правда, что многие могут даже испытывать вину за свою свободу?

Именно могут чувствовать вину за эту свободу. Не работать, когда другие работают, – это заставляет их чувствовать себя тунеядцами, живущими чужим трудом. Старая, вечная тема – жизнь за счет других. Хозяйке дома неловко, что она мирно погружена в чтение, пока домработница подметает пол. Выглядит так, будто она ничего не делает, – а что если книга для нее представляет значительную культурную ценность? Это четко проявляется в отношении отпусков. Отпуск – нечто совершенно новое. Очень долгое время он составлял привилегию весьма узкого слоя населения. А теперь отпуск – привычное общее достояние, право каждого. Существует сложившаяся система отпусков и праздников, и тем не менее человек чувствует, что необходимо как-то оправдать перерыв в работе. «Ах, – говорит он, – я так устал», и это звучит как «Я, знаете ли, имею право на эту привилегию». Люди пытаются найти нечто вроде оправдания своему неподчинению закону труда. Труд стал целью человеческого существования.

Возможно, это также способ существования. Вам не кажется, что вся наша жизнь от начала до конца связана с работой, действиями?

Вы затронули важную проблему, которая меня долго беспокоила. Это потребность придать своей жизни смысл, скажу больше, потребность чувствовать, что вообще существуешь. Не хотелось бы отвлекаться от темы, но я совсем недавно беседовал с одной женщиной, и она сказала: «Что

заставляет меня ощущать себя существующей – это мои боли». Надо полагать, что это не настолько редкое ощущение, как нам кажется. Известны случаи, когда люди специально ищут страдания, только чтобы реально почувствовать, что они существуют. Ощущение того, что существуешь или не существуешь, затрагивает проблему, которая занимает философов-экзистенциалистов. Не стану отвлекаться на эту тему, скажу только, что она тесно связана с вопросом, который подняли Вы, потому что если человек существует в труде, то, лишаясь его, он начинает ощущать пустоту своей жизни, у него появляется даже потребность как-то оправдать то, что он вообще существует, а это порой выливается в проявления дурного характера и бесконечное недовольство.

Таким образом, человек существует для общества, пока он трудится?

Ну конечно, конечно! В древней Греции, скажем, это было не так. Хотя там была проблема рабства. Но в греческих городах люди спорили на агорах и ощущали, что существуют, не в силу своего вклада в материальное благополучие общества, а поскольку они пытались прояснить жизненные проблемы.

Итак, когда тебя сформировали, скажем, сорок лет работы, в конце взять и уйти на покой очень трудно, не так ли?

Это очень трудно – и, кроме того, бывает работа и работа. Например, работа врача – это нескончаемое приключение. Она безусловно требует мышления, образованности. Мы должны идти в ногу со временем, и эта работа нас постоянно развивает. Но работа на конвейере, где всего-то и нужно делать, что закручивать одну и ту же гайку, когда она проплывает у тебя перед носом, – можете мне поверить, унижает человека и в конечном итоге превращает

его в настоящего робота. Можно сказать, что есть тенденция, обусловленная, конечно, экономикой и стремлением к получению прибыли, – низводить людей до состояния обслуживающего персонала машин. Жизненно важно, чтобы общество срочно изменило свой подход к понятию труда: истинное значение труда надо искать в индивидуальном развитии, в том личном вкладе, который человек вносит в общество как индивидуум.

Если человек хочет, чтобы его старость была благополучной, в каком возрасте он должен начинать о ней заботиться?

Я бы сказал, лет в сорок-пятьдесят.

Некоторые считают, что надо начинать думать о ней чуть ли не в отрочестве.

Да, я назвал возраст сорок-пятьдесят, чтобы не впасть в парадокс. Предположим, социолог ведет опрос и спрашивает восемнадцатилетнюю особу: «Что вы думаете о старости?», и та отвечает: «Надеюсь до нее не дожить». Вполне естественный ответ для восемнадцатилетней. Что спрашивать с детей... Их дело – готовиться к трудовой жизни, а не к старости, но они все равно готовятся и к ней уже тем, как вступают в жизнь. Если они рассматривают жизнь как приключение, как посвящение, то этим они подготавливают себе счастливую старость, ибо старость – итог прожитой жизни. Это как бы момент истины, когда открывается либо накопленное в нас богатство, либо пустота, если мы вдруг осознаем, что лишились движущей силы нашей жизни. Это значит, что она была для нас чем-то внешним – будь то повседневная работа или исполнение семейных обязанностей – и сошла на нет, когда мы отошли от дел. Скажем, женщина в каком-то смысле «уходит в отставку», когда женится или выходит замуж ее последний ребенок, а профессиональная карьера и работа как матери заверше-

ны. Это часто приводит женщину к глубокому кризису, и тогда она полностью сосредотачивает свое внимание на внуках, что нередко приводит к конфликту с невесткой.

Иными словами, если я Вас правильно понял, чтобы подготовиться к старости и сделать ее благополучной, первым делом надо придать смысл своей жизни?

Или найти его. Это не одно и то же. Ведь, если смотреть в корень, смысл жизни придаем не мы. Возьмем двух стариков. Один сделал все, чтобы его старость была счастливой, другой ее загубил. Ни в том, ни в другом случае нет их заслуги или вины. Все, кто достиг в жизни успеха, а также все, у кого благополучная старость, добились таких результатов не потому, что хорошо к этому подготовились. А потому, что их жизнь имела смысл, и он сохранился и в старости. Что же касается других – не их вина, что общество сделало их такими, погасило в них творческое воображение, которым они могли быть одарены. В том, что требуется что-то другое, речами и советами не убедишь. А нужно сделать все, чтобы изменить общество, изменить в нем концепцию труда и даже концепцию самого человека. Общество, которое придает человеческой жизни смысл, лучше того, которое лишает ее смысла; последнее просто антигуманно именно потому, что отнимает у человека смысл жизни. Самое лучшее в жизни дается нам просто так – мы не создаем его своими руками – например, сорванная у дороги ромашка...

А Вам не кажется, доктор, что основу подготовки к благополучной старости следует искать в уровне нашего образования? Мы должны признать, что в нашей системе, назовем ее капиталистической, хорошее образование – привилегия, даруемая классовой принадлежностью. Не считаете ли Вы, что оно составляет существеннейшую предпосылку счастливой старости и жизни на пенсии?

Вполне согласен с Вашим утверждением, что это классовая привилегия. Как врач, ставший конфидентом столь многих людей, я очень хорошо это осознаю. И все же, есть выходцы из малоимущих классов, которые достигли определенного уровня культуры и всю жизнь развивают его в себе. Это особые люди, которые, плывя против течения в нашем антигуманном обществе, все время стремятся развиваться, узнавать новое о мире, обогащать себя как личность. Истинное образование – совершенствование собственной личности, улучшение своего отношения к миру и с миром. Обладающие этим даром, даже если они происходят из малоимущих классов, в состоянии преодолеть барьер антигуманности, установленный нашим обществом, и насладиться счастливой старостью, потому что для них она – движение вперед, а не назад. Но нужна соответствующая подготовка. Человек, погруженный в работу настолько, что даже не имеет возможности прочесть книгу и только успеваешь просматривать журналы, уходит на пенсию – и что происходит? Он оказывается совершенно не у дел. Советуешь ему начать читать: хорошая книга – замечательный друг. Он идет, покупает книгу, прочитывает страницу-другую, но настолько не привык читать, что откладывает книгу и возвращается к своей скуке, как в прошлом привык возвращаться в свою контору.

Может быть, за всю свою трудовую жизнь он потому не приучился читать или заниматься какой-то творческой деятельностью, что его работа поглощала его целиком и изматывала? Когда трудишься посменно по восемь часов в день в шахте или на фабрике, на самообразование просто не остается сил.

Да, конечно... Это зависит от условий нашей жизни, но в какой-то мере и от нашего собственного отношения к делу. Есть люди, наделенные способностью учиться в самой неблагоприятной среде. А другие не стремятся научиться чему-то, даже путешествуя по всему миру. Они до-

статочны обеспечены, чтобы поехать в отпуск куда им заблагорассудится, а возвращаются столь же интеллектуально и духовно нищими, как и прежде. Они ничему не учатся, а те, другие, всегда познают что-то новое, даже из обрывков разговоров, из телепередач, из всего, откуда можно почерпнуть знания. Этот дух любознательности и поиска приключений делает старость счастливой.

Я, разумеется, говорил о «творческой деятельности» в ограниченном смысле, ведь культура – понятие чрезвычайно широкое; в каком-то смысле она – отражение нашей реакции на все, что мы наблюдаем вокруг.

О да, у нас есть предубеждение против чрезмерно интеллектуального подхода, не так ли? То, как нас учили в школе, налагает свой отпечаток на наше понимание культуры. Юнг сказал, что культура, прививаемая школой, стандартная. Она штампует людей по шаблону и направлена прежде всего на социальный успех, то есть, по сути, на успех в работе. Истинное образование, истинная культура – нечто гораздо более личное. Многие люди поверяли мне свои тайны, и я поражен, как много тех, кто ухитрялся обучать себя сам, подпольно, если хотите. Они считают себя недостаточно культурными, потому что не получили формального образования, а на самом деле гораздо более культурны, чем предполагают; зачастую это по-настоящему глубокие личности. Культуре принадлежат все искусства, вся философия. Но существует философия, которая не служит прерогативой одних философов: философия жизни, то есть поиск смысла жизни, жажда жизни, и это одно из характерных проявлений истинной культуры.

И Вы полагаете, что эта культура, в самом широком смысле слова, абсолютно необходима, чтобы человек был счастлив на покое или, лучше сказать, в старости, и что она позволяет заполнить пропасть, которая открывается в возрасте шестидесяти пяти лет, пропасть между

работой и пенсией?

Значение непрерывного образования уже начинают понимать, и я верю, что в будущем мы увидим в этом отношении много нового. Растет популярность вечерних кружков, классов для взрослых. Прошло то время, когда считалось, что учеба – удел детей. Приходит понимание, что можно учиться всю жизнь и что учеба – это не только накопление знаний, но и установление взаимоотношений с миром как в практическом, так и в интеллектуальном плане. Пенсионер – владелец маленькой мастерской, где он что-то изготавливает, входит в отношения с миром с помощью своих рук, инструментов, станков. Это тоже культура, в той же мере, что и культура философа, изучающего Сократа или Декарта.

Доктор, Вам семьдесят пять. Сами-то Вы чувствуете, что старость, если определить ее начало, скажем, шестьюдесятью пятью годами, это все еще время прогресса? Для Вас она означает движение вперед?

Для меня старость – время прогресса, и я признаю, что мне сильно повезло. С одной стороны, я – врач, а врач может продолжать свою работу. У врачей нет фиксированного пенсионного возраста, как, скажем, у конторских служащих, и это огромная привилегия. С другой стороны, у меня есть несколько запасных вариантов: я не только врач, но и писатель, и работник социальной сферы, и в данный момент погружен в одно приключение. Только начните писать книгу о старости, и люди буквально завалят вас всевозможными общественными делами. Кажется, это меня сейчас затягивает в то самое новое приключение. Но не будь этого, было бы что-нибудь еще. Иными словами, надо всегда иметь много целей. Надо учиться, приспосабливаться к новому, чтобы тогда, когда появится много свободного времени, можно было обрести новые навыки, развить в себе новые способности, которые можно будет использо-

вать не только для заработка, но и для увлекательных занятий, когда уход от дел предоставит нам долгожданную свободу.

Вы все еще чувствуете себя неотъемлемой частью нашего общества?

Да, о да! Только я, скорее, исключение. Я должен признать этот факт. Я – чрезвычайно везучий человек. Меня попросили написать книгу о старости. Возраст у меня соответствующий, а условия – нет. Никто не отнимал у меня моей работы. Я могу обустроить свою жизнь, как захочу, а это, заметьте, очень трудно. Я затребован больше, чем способен сделать, но так было со мной всегда.

Из Ваших разговоров с пациентами у Вас сложилось впечатление, что на стариков, в общем-то, смотрят с пренебрежением, или они чувствуют, что их стараются не замечать?

Это происходит из-за предубеждения нашего общества, которое ценит людей по их отдаче. Есть такого же рода предубеждение и против стариков, и мы должны бороться с ним не на жизнь, а на смерть, потому что ценность человеческой личности не в работе; наоборот, труд имеет ценность потому, что он – производное от человека. Мы встречаем иногда людей, которые, уйдя на пенсию, вдруг расцветают и находят для себя новые занятия. Среди моих пациентов немало таких. Иные очень боятся пенсии, а потом видят, что она открывает человеку новые горизонты, не без ограничений, конечно. А что в этом мире не имеет ограничений? Зато пенсия способна предоставить человеку гораздо более полную жизнь, чем предшествующий ей трудовой период, который нередко оборачивается своеобразным рабством.

Вам не кажется, что идея непродуктивности человека

– сугубо западная? Скажем, в Японии такого понятия не существует, там пожилого человека любят и уважают.

То же и в Черной Африке. И в античном мире. То есть это предубеждение – порождение промышленной революции. Причем с обеих сторон! И с марксистской, и с капиталистической стороны труд прославляется и превращается в подобие современного божества, в Молоха, пожирающего людей.

Так теперь надо восхвалять мечты или, может быть, праздность?

Видите ли, в мае 1968 года, когда марширующие студенты писали лозунги «Даешь воображение!», это был знак протеста против рационалистического общества, которое ценит только одно – продуктивность. Я ее не отвергаю, потому что она принесла нам процветание, которое и обеспечило нам пенсию. Пенсия была введена совсем недавно. Следовательно, дело не в том, чтобы уничтожить действующую систему, а в том, чтобы освободить человека в ней. Американский писатель Дэвид Райзман поставил именно этот вопрос: процветание, да, но для чего? Иными словами, есть ли у этого общества, при всей его организованности, какая-либо цель, если оно пожирает собственных детей? Единственной целью может быть развитие личности, а личность – это не труд, а душа, глубинное «я» человека.

Спасибо, доктор.

* * *

Сегодня гость нашего «Медицинского журнала» – знаменитый д-р Поль Турнье из Женевы, писатель, специалист по проблемам старости, широко известный, в частности, в Соединенных Штатах, где недавно в его честь вышла очень примечательная книга. Свои материалы для нее прислали около сорока врачей, ученых-естественников,

социологов и философов. Кто лучше него, семидесятишестилетнего, может говорить о преклонном возрасте и стариках? Д-р Турнье, кто эти люди, чью жизнь Вы так хорошо знаете и в которой участвуете?

Быть старым не значит перестать быть личностью, наделенной всеми достоинствами, присущими человеку. Старика не теряют своих человеческих качеств.

Следовательно, быть старым – гораздо в большей степени состояние, чем болезнь?

Это вовсе не болезнь. С таким же успехом можно спросить, не болезнь ли юность, на том основании, что существуют детские болезни. Разумеется, есть старики со слабым здоровьем, у них риск заболеть и одряхлеть еще выше. Жизнь пожилых людей осложняется слабеющим слухом, слабеющим зрением. Это вопросы медицинские, и наша задача – бороться с болезнью. Проблема, о которой вы говорите, на самом деле проблема старости, а старость не болезнь, а одна из стадий жизни. Есть стадия детства, потом зрелого возраста, – а о том, что следует за этим, люди предпочитают не думать: «Поживем, увидим». Эту последнюю фазу, старость, они просто стараются не принимать во внимание. А надо только воссоединить ее с жизнью, чтобы старики чувствовали, что они тоже часть жизни, полноправные сограждане всех живущих.

А кто должен готовить людей к старости – сами пожилые люди, особенно наделенные властью и влиянием, или все общество? В наше время, как мне кажется, между молодыми и пожилыми, вообще между поколениями нет настоящего взаимопонимания.

Именно так, и происходит это из одного социального предубеждения – стремления отделять стариков от всех остальных. Когда к ним обращаются эдаким снисходитель-

ным тоном, как говорят с младенцами, у стариков отнимают чувство причастности к реальной жизни общества. Социальное предубеждение против стариков заставляет их прятаться, тушеваться. Это своеобразный апартеид. В баре они сидят и играют в карты в закутках. Они действительно отрезанный ломоть. Зайдите в любой ресторан – они сидят, сбившись в кучку, в самом темном углу. У них нет возможности общаться с людьми, только что вернувшимися с работы, у которых есть о чем поговорить, которые живут полноценной жизнью. А старики вне жизни. В любом баре вы можете наблюдать, что между их территорией и территорией молодых как бы пролегает граница. Совершенно необходимо – и многие начинают это понимать – заново включить стариков в повседневную активную жизнь. Поэтому мы должны приложить все силы, чтобы постепенно выстраивать канву личных взаимоотношений между пожилыми и молодыми.

А кому должна принадлежать инициатива – пожилым или молодым?

Меня попросили написать книгу о стариках, и вот что я сделал: в нескольких главах я обращаюсь к молодым людям и говорю им: «Общайтесь со стариками. У вас есть чему у них поучиться». В прошлом старики продолжали оставаться в семье. Теперь стиль жизни изменился, квартиры стали теснее, и сейчас множество детей, можно сказать, не знают ни одного старика. И от этого в их образовании, в их воспитании как личностей образуется брешь. Традиционная бабушка, которая, бывало, рассказывала внукам сказки и пела песни, начинает исчезать как явление. Дедушку помещают в дом престарелых, а ребенка берут с собой его навещать. Сказать друг другу им нечего; появляются леденцы, – и визит завершен. Настоящего разговора между ними не происходит, а ведь в жизни молодых и стариков много общего. В восемнадцать лет мы рассуждаем о смысле жизни, спорим до хрипоты, критикуем своих ро-

дителей. Мы говорим: «Нет уж, я не собираюсь ишачить всю жизнь, как мои родители, чтобы на себя ни минуты не оставалось. Жизнь не должна быть такой. Нет, правда, мои родители так и не жили никогда. Это просто рабство, трудовое рабство, а не жизнь». Повторяю, именно молодежь говорит так: «Я не собираюсь жить такой жизнью». Может быть, они станут хиппи или рванут в Афганистан, хотя на самом деле так поступают немногие. Все же прочие юноши, с такой страстью рассуждающие о том, есть ли у жизни смысл, осваивают какую-то профессию, женятся, – и вот, волей-неволей увязают в том же рутинном повседневном труде, против которого они выступали. И становятся очередным поколением роботов. У них свои неприятности: их дети болеют, с коллегами по работе и конкурентами порой складываются непростые отношения. Так что есть целая стадия жизни, когда человек оказывается повязан тем образом жизни, который кажется в буквальном смысле слова лишенным смысла. Спросите одного из таких на пике карьеры – как он считает, существует ли смысл жизни? И он ответит: «Это вопрос к философам. У меня на такие вещи нет времени. Мне хватает обязанностей и неприятностей на работе, а тут еще и семья. Смысл жизни – ха, спросите того, кому больше делать нечего». И вот они достигают пенсионного возраста и тут же начинают задумываться о своей жизни: «Есть ли во всем этом смысл? Разве это не напоминает машину, которая работает как заведенная? И кто же это использует нас, как марионеток, и строит за нас наши жизни? Общество, конечно!» В тот самый момент, когда люди начинают обретать хоть какую-то свободу, они не знают, что с ней делать.

То есть, говорите Вы, нам надо учиться стареть?

Да, но важно вовремя начать. Вот почему люди начинают задумываться о подготовке к старости. Эта мысль становится все более популярной. Зародилась она в Соединенных Штатах, а теперь распространилась и по Европе.

Ко мне обращаются со всех сторон, в частности люди, занимающиеся торговлей и производством. Уже есть фирмы, которые устраивают семинары для людей, приближающихся к пенсионному возрасту, чаще всего лет за пять до пенсии, что, в общем-то, поздно. А большинство и вовсе предпочитают об этом пока не думать. Но «потом» уже может быть слишком поздно. Разумеется, многое зависит от самого человека. Некоторым огромную помощь в переходе к старости окажет их страсть к коллекционированию бабочек или почтовых марок, но тем, чей единственный интерес в жизни – их работа, предстоит пережить кризис, который может оказаться роковым. Огромное число людей умирает вскоре после выхода на пенсию, и это главным образом те, что были самыми лучшими работниками, что целиком посвящали себя своему труду. Пора понять, что жизнь – это нечто большее, чем работа.

Значит ли это, что расслабиться на пенсии, не принимать все происходящее вокруг всерьез – опасно для стариков?

Да, для стариков это более опасно, чем для молодых.

И все же в народе говорят: «Он заслужил покой».

Конечно, мы то и дело читаем о всевозможных социологических исследованиях. Социолог приходит в старикам, находит людей, томящихся с утра до ночи от скуки, и спрашивает: «А вы бы не хотели придумать что-нибудь, чтобы занять свое время?» И получают ответ: «Я надрывался всю жизнь, так что теперь, я считаю, имею право отдохнуть». Укоренилась мысль, что пенсия – это отдых. Но это не совсем так, можно заново построить свою жизнь на основе любимого дела, собственных интересов, собственного вдохновения – это жизнь на свободе, а не в кабале повседневной работы... Поэтому я и предложил ввести понятие «вторая карьера». В жизни каждого из нас есть место для

второй карьеры, и можно смело сказать, что самая удачная жизнь – это когда после ухода «на покой» человек находит, чем заняться, – я не имею в виду хобби типа рыбалки, потому что это просто способ убить время. Нет, нужно нечто большее, нечто такое, что увлекает, затягивает, – пусть даже коллекционирование марок. Скажем, можно изучить иностранный язык, что за несколько лет вполне возможно; а ведь это не просто язык, а и литература, и новый образ мышления, и так далее. Только здесь требуется личное желание и воображение – именно то, что общество убивает. Какое богатое воображение у детей, как они изобретательны! Они преобразуют все, что ни попадет под руку. По их желанию это может быть что угодно: вот солдат идет... А потом вся жизнь направлена на то, чтобы покончить с этим воображением. Даже в школе – тот, кто размышляет, получает нагоняй: плохой ученик! Хорошие ученики делают то, что им говорят! И потом на службе – хорошие работники не тратят время попусту, размышляя о том, что они будут делать в воскресенье, а выполняют свою работу.

Вы сейчас нам показали, что старость – это состояние, а никак не болезнь, так о чем в этом состоянии думает сам старей человек? Скажем, жалеет ли он о своей семейной жизни?

Некоторые старики как бы постоянно оглядываются назад. Они думают только о прошлом, причем по-разному. Одни его идеализируют, другие просто говорят о нем (то и дело приукрашивая), третьи жалуется: «Чего бы я только не добился, если бы они не загубили мою жизнь». Виноваты всегда другие. А ведь направление настоящей жизни – только вперед. Счастливые старики – это те, у кого есть дела на завтра, а не те, кто без конца думает о том, что делал тридцать лет назад.

Учиться стареть – не то же ли это самое, что учиться умирать?

Смерть – это тоже будущее. Надо перестать считать смерть запретной темой. В тех цивилизациях, которые понимают смерть лучше нас, воспринимают ее как самый интимный момент в жизни, – скажем, в Японии или в античном мире, – табу на тему смерти не столь суровое. Там к смерти относятся более естественно. Может быть, наше отношение к смерти – расплата за достижения медицины. Люди стали считать, что имеют право на здоровье. Они уже чуть ли не полагают, что имеют право не умирать. А нам следует глубоко осознать, что жизнь включает в себя смерть, что смерть – неизбежная спутница жизни... У меня в Америке есть коллега, швейцарка, д-р Элизабет Кюблер-Росс, которая взяла на себя миссию говорить с умирающими. Очень волнующая история. Она пошла в больницу и попросила позволения поговорить с умирающими. Ей ответили: «Таких нет». Она поняла, насколько сильно желание, чтобы все хотя бы выглядело так, что таких нет. В конце концов она нашла умирающих и взяла у них сотни интервью. Всех без исключения мучило беспокойство, о котором они ни с кем не могли поговорить. Почитайте д-ра Кюблер-Росс – очень сильное впечатление – просто ошеломляет, и в то же время настолько обыденно! Это потому так и впечатляет, что обыденно. Она приходит к умирающему. Жена говорит ей:

– У него рак, но мы ему не сказали. Он этого не перенесет.

Она подходит к нему и тихо спрашивает:

– Вы серьезно больны?

– А, у меня рак.

Вот так просто. Для него такое облегчение – высказать вслух то, о чем он думает. Она спрашивает:

– Чего вы больше всего боитесь?

– Я только надеюсь, что мои дети будут по мне немного скучать.

Звучит вполне обыкновенно; однако большинство людей умирает в духовной изоляции.

А как насчет религии?

Религии? Я полагаю, что лучше начать раньше, чем оставить все на последний момент. Это как во всем, да? Есть пословица: «Перед смертью сам черт в монахи готов». Мы склонны считать религию чем-то вроде последнего утешения, когда уже надежды на человеческие силы не остается. А настоящая религия – когда всю жизнь проводишь с Богом. Когда соединяешься с Богом, даже если ты еще ребенок, когда всю семейную, всю трудовую, всю общественную жизнь проводишь с Богом. Это сообщает жизни смысл, и тогда она будет длиться и длиться, развиваться и развиваться – прямо в старость.

Все это, конечно, часть процесса подготовки к старости, философии старости, которая следует из Вашего опыта. Но вот лично Вы чем можете объяснить такой энтузиазм в Вашем возрасте?

Мне в жизни часто приходилось начинать все сначала. Мы слишком легко становимся рабами заведенного порядка – вы понимаете, о чем я, – это рутина, смертельный враг жизни. Рутину надевает путы, от нее костенеешь. На разных этапах своей жизни я прошел через целый ряд кризисов, каждый раз начиная все заново: сначала в общественной деятельности, потом в христианской вере, наконец в соединении всего этого с медициной. Я был зачинателем целого направления в медицине, и сейчас пришло время, когда мне уже больше не надо его возглавлять. Я оставил лидерство молодым, и они его переняли. Теперь я исполняю роль доброго дедушки, который приходит, чтобы провести с ними денек, но, полагаю, для этого направления я все еще любимый дедушка! И вот теперь меня просят написать книгу о старости, и это открывает новые двери – меня наперебой зовут читать лекции и проводить беседы. И я опять начинаю сначала. Карьера лектора, как и карье-

ра писателя, послана мне, чтобы я мог обновить свою жизнь. Я написал книгу о жизни как о приключении.¹ Я не считаю, что приключение длится вечно. Мы хотели бы его продлить, тогда как надо бы желать нового приключения. Что бы мне хотелось сказать пожилым людям: перед вами открывается новое приключение, а пускаться ли в него, – решать вам.

¹ *The Adventure of Living* (SCM Press, London, 1966) (Прим. составителя)

Самое главное в моей ЖИЗНИ

Статья для сборника, опубликованного на
немецком языке в 1983 году

Я думаю, что самый памятный момент в моей жизни – смерть матери. Отец тогда уже умер – когда я родился, ему было семьдесят, и он скончался через два месяца. Младенец не осознает смерти отца: постепенно узнавая окружающих его людей, он не может знать и чувствовать тех, кого нет. Конечно, в случае смерти матери, как это произошло с Жан-Жаком Руссо, это более тяжело, потому что между новорожденным и матерью существует особая, ни с чем не сравнимая связь.

Я хорошо себе представляю, насколько крепки были узы, связывавшие мою мать и меня, как она, наверное, была ко мне привязана, как холила младенца, которого оставил ей ее старый, глубоко почитаемый муж. Я был для нее не Эдиповым соперником своего отца, но его воплощением.

Однако вскоре она серьезно заболела, и ей пришлось перенести несколько операций. Мне было шесть, когда она умерла. На этот раз потрясение было очень глубоким. Я едва помню, какой она была, – а ведь обычно память у людей простирается до четырехлетнего возраста и даже даль-

Статья для сборника под ред. д-ра Hans Schaffner (Blau Kreuz Verlag, Berne, 1983)

ше. Я только смутно вижу, как подхожу к ее постели. Очевидно, мои эмоции, связанные с ее смертью, и вытеснили в подсознание, подавили мою память о ней. Сохранилось только одно ясное воспоминание: как нас с сестрой привезли к дяде и тете, где нам предстояло дальше жить, и я спросил: «А что, в мамин дом мы уже не пойдём?»

Я ни в чем не нуждался. Мои дядя и тетя были образцом щедрости, заботы, любви. Слом произошел во мне. Я как бы окружил себя железным занавесом, чтобы защитить свою израненную душу. Я погрузился в ненарушаемое духовное одиночество. Я стал застенчивым, замкнутым, не мог свободно общаться с другими детьми. Я много раз уже ссылался на слова д-ра Пьера Рентчника о психологии сироты. Когда он спросил меня: «Что вы чувствовали, когда умерла ваша мать?», я тут же ответил: «У меня было чувство, что я ни для кого не существую».

Не существовать значит не иметь никаких прав. Я ощущал, что не имею права на все то, что для меня делали. Во всем я чувствовал себя должником. Еще и теперь мне крайне трудно попросить кого-либо об одолжении или принять подарок. Однако в результате я сделался находчив, самостоятелен, изобретателен, научился самостоятельно выходить из затруднительных положений хоть практически, хоть духовного свойства. Несмотря на то, что я написал много книг, я, скорее, человек не умственного, а физического труда. Самое большое удовольствие для меня – сделать что-нибудь своими руками.

Это раннее столкновение со смертью заставило меня очень серьезно относиться к жизни. Всем известно, что люди вечно стараются отгонять мысли о смерти, забывать о ней – по крайней мере, в нашем западном обществе. Что касается меня, то смерть, кажется, присутствует рядом со мной постоянно, даже когда я о ней не думаю. Я отчетливо ощутил это восемь лет назад, когда умерла моя жена. Я понял тогда, что провел всю жизнь в трауре, в ожидании встречи с моими родителями на небесах. А с момента смерти моей жены у меня появилось с иным миром еще одно

связующее звено – отныне еще одно любимое существо ждало меня там. Наверное, поэтому вдовство я переживал легче, чем многие другие.

Наверное, поэтому мы с Нелли могли просто и открыто говорить друг с другом о смерти до самого последнего момента. Мы были в Афинах, я там читал лекции американцам. У нее случился коронарный тромбоз, и месяц она провела в больнице. Этот месяц стал для нас временем наивысшей близости – и это в чужой стране! Она знала, насколько серьезно ее состояние. Кардиолог как-то раз позвал меня к себе и все мне рассказал, а я тут же обсудил с нею.

Она знала, что ей угрожает второй коронаротромбоз и что если она не умрет, то останется инвалидом. И в последний день она сказала:

– Может быть, было бы лучше, если бы я умерла месяц назад от первого инфаркта.

– Но все же мои греческие коллеги хорошо поработали. Они спасли тебе жизнь. Ты ведь этому рада, – ответил я.

– Да, конечно, если я смогу вернуться в Женеву и снова увидеть детей и внуков. – Она помолчала и добавила: – Но если бы я умерла, я бы теперь была на небесах и увиделась с твоими родителями.

Это ее замечание меня бесконечно тронуло. Как видите, она разделяла мои надежды на небеса.

Я ответил:

– Что ж, когда ты туда прибудешь, мои родители поблагодарят тебя за то, что ты была хорошей женой их сыну.

Это было последнее, что я ей сказал. Вдруг она положила руку на сердце и воскликнула:

– Это конец!

– Ты уверена?

– Да.

И умерла.

Так вот, это столкновение со смертью, которое я ощущал с самого детства, определило направление всей моей жизни. Я полагаю, оно сыграло свою роль в принятии мной

двух последовательных решений – лет в двенадцать и потом – в тринадцать. Первое было таким: наедине с собой, без всякого постороннего влияния, я сказал: «Господи Иисусе, посвящаю свою жизнь Тебе». Разумеется, я не осознавал всего смысла этого решения, и я никому о нем не сказал. Но Христос воспринял эту наивную детскую молитву всерьез. Он взял меня за руку и постепенно привел к пониманию того, что это значит – посвятить Ему свою жизнь.

Нисколько не понимал я и того, почему, собственно, принял такое решение. Но как еще можно откликнуться на реальность смерти, кроме как соединиться с Христом воскресшим? Второе мое решение подтвердило эту мысль. Это был выбор профессии. Единственное, в чем я преуспевал в школе, была математика. Но я сказал себе: «Одним математиком больше, одним меньше – страданий в мире от этого не убавится. Я хочу следовать зову служить людям: я хочу быть врачом». Теперь-то я, конечно, понимаю, что математик так же полезен миру, как и врач. Но в моем простодушном понимании единственно важной для меня была идея служения.

Уже много позже, когда я кое-что узнал из психологии, я понял, что мое решение стать врачом было продиктовано внутренней необходимостью получить возмещение за смерть родителей, способом именно так расквитаться со смертью: поставить всю свою жизнь на службу борьбы с нею и с ее разбоем среди живущих. И вот, тридцать лет спустя, став писателем, я тем не менее своей профессии, зову своей жизни не изменил. Я пишу не ради того, чтобы писать, а чтобы по-прежнему заботиться о людях и постараться облегчить им жизнь, помочь им преодолеть – или принять – их страдания.

Эти два решения придали моей жизни смысл. Очень важно, что они находились во взаимодействии, что заставило меня заинтересоваться медициной личности, медициной универсального направления. Это была попытка облегчить разом все страдания человека – и телесные, и духовные,

на практике соединить веру в Бога с наукой, которую мы изучаем в университете.

Но мне надо было избавиться, хотя бы частично, от своего комплекса необщительного и замкнутого сироты. Мое избавление проходило в два этапа. Сначала оно пришло от моего учителя греческого – мне было тогда шестнадцать, – который понял, что этому странному ребенку не хватает одной простой вещи: отношений с людьми. Он пригласил меня к себе не как ученика на урок, а как мужчину мужчину – для диалога.

Неожиданно я стал для него не учеником, которого надо обучать греческому, а личностью. Результат получился замечательный. Я скоро осознал, что моя интеллектуальная жизнь – это дверь, через которую я могу вступать в отношения с другими – обмениваться идеями, спорить, доказывать. Это позволило мне не только окончить курс медицины, но и влиться в общественную жизнь, ощутить интерес к театру, литературе, юриспруденции, политике, студенческим делам. Это было время первой мировой войны и русской революции, когда рушились оптимистические идеалы девятнадцатого века, – легко себе представить, сколько можно было всего обсуждать! И работы было много – в Международном Красном Кресте, в Обществе помощи детям и, конечно же, в церкви.

Но я должен был пройти второй этап. Я вполне преуспевал в публичных выступлениях, в частных же разговорах по-прежнему был неловок. Как-то раз, когда расходились с одной из студенческих сходов, приятель сказал мне: «Знаешь, я только теперь понял, что ты сирота». У меня в горле встал комок; я не мог произнести ни слова; я готов был разрыдаться. Я бросился от него в ночь. Выяснилось, что единственной открытой для меня дверью к общению с людьми был интеллект. Путь же к душевным, эмоциональным отношениям был все еще закрыт. Интеллектуальные, объективные, научные отношения принадлежат мужской половине человеческой природы, остальное – женской. От переживаний о смерти отца я освободился, а о смерти ма-

тери – нет, и не знал об этом.

Даже в церкви я только и делал, что рассуждал об идеях, догмах, принципах и концепциях, вступал в дискуссии между ортодоксами и либералами. Я остро чувствовал противоречие между своей церковной деятельностью и личным благочестием. Все мои благие начинания ни к чему не приводили: я не умел молиться. И в отношениях с женой, которую я очень любил и с которой отлично ладил, было то же самое: я читал ей лекции, сообщал всевозможную информацию, что же до выражения своих чувств и эмоций, я был, как и многие мужчины, совершенно беспомощен, – а ведь это как раз больше всего и волнует женщин.

Когда мы начали проводить вместе время в молчании, она сказала мне: «Знаешь ли, ты для меня учитель, врач, психолог, даже пастор, но ты мне не муж». И попала в точку. Идеи – как деньги, что переходят из одного кармана в другой; они как вещь безличны. А связывают нас чувства, эмоции.

Занятия медитацией изменили мои взаимоотношения не только с женой, но и вообще со всеми, в частности с моими пациентами. Я занимался терапевтической практикой уже восемь лет и полагал, что знаю их достаточно хорошо. И вдруг – пожалуйста, они делятся со мной своими секретами, о которых никогда прежде не рассказывали, делятся, ибо интуитивно чувствуют, что интересны мне как личности, а не просто как случаи медицинской практики.

На нашем жизненном пути мы с Нелли встретились с последователями религиозного движения «Оксфордская группа» – оно зародилось среди студентов этого университета. Движение исповедовало полную открытость между людьми в тех вопросах, которые нас очень волнуют, но о которых мы по привычке молчим. Почти пятнадцать лет я был активным, даже воинствующим, участником движения. Поскольку я врач, люди с готовностью раскрывали мне свои души, и я все больше понимал, как они одиноки наедине со своими тяжкими тайнами и как сильно эти тайны влияют на их физическое и психическое здоровье.

Мы осознаем свои истинные проблемы, когда безмолвствуем перед лицом Бога и вслушиваемся в Его голос. Разумеется, я часто ошибался: ведь очень легко вообразить, что твои собственные мысли – это подлинный голос Бога. Но суть в том, что по ходу упражнений в медитации, учишься распознавать свои ошибки, учишься быть честнее с самим собой. О той силе, какой обладает в этом смысле медитация, говорил в абсолютно нерелигиозном контексте Фрейд. Так что мой личный опыт был очень близок опыту психоаналитика. В один прекрасный день 1937 года я понял, что должен полностью посвятить себя исследованиям в этой области. Верю, что тогда я не ошибся, – это был зов Бога.

Накануне второй мировой войны основатель движения д-р Фрэнк Букман, предчувствуя надвигающуюся катастрофу, изменил название и ориентацию движения, придав ему более четкую структуру с более жесткой дисциплиной, чтобы оно могло эффективно воздействовать на судьбы мира. Я увидел, как далеко расходятся наши пути, лишь после войны, в 1946 году. Мне пришлось порвать с друзьями, которые вели разговоры лишь о регистрации новых членов, об идеологии, о стратегии – вещах, бесконечно далеких от моего дела – помогать конкретным людям в их свободном поиске своего призвания.

Разрыв был мучительным, несмотря на эмоциональные и духовные узы, которые по-прежнему связывали нас. Но именно тогда я вдруг оказался в центре внимания врачей из разных стран мира, разделявших мои взгляды. Они прочли мою книгу *Médecine de la personne*, изданную во время войны, в 1940 году. Идея медицины, которая обращается к человеку, ко всей совокупности его физических, психологических, социальных и духовных проявлений, вызвала в них живой отклик, и они выразили желание углубиться в эти исследования вместе со мной.

Примерно в то же время меня пригласили на работу в Германию, в только что основанную Евангелическую академию в Бад-Болле. Германия тогда представляла собой

картину полного материального и морального разорения. Люди видели причину того, что нацисты сумели погрузить страну в этот кошмар и использовать, к примеру, закон и медицину для беспрецедентной атаки на человеческое достоинство, в том, что данные области знания давно уже потеряли связь со своими духовными корнями, лежащими в глубинах нашей цивилизации.

Все без исключения приходилось ставить под вопрос, чтобы заново определить смысл и значение культуры. Эти годы страстных споров и дискуссий с врачами, юристами, художниками, экономистами и архитекторами в разрушенной Германии оказали на меня решающее влияние. Впоследствии я развил заложенные там идеи в области медицины совместно с коллегами многочисленных специализаций из разных стран, принадлежавших к различным вероисповеданиям. Вместе мы основали «Группу Боссе», названную так потому, что первые ее заседания проходили в Шато де Боссе, штаб-квартире Экуменического института близ Женевы.

Медицина – не просто научная и техническая дисциплина, у нее есть и человеческое измерение. Она использует достижения науки и техники для борьбы с болезнями, но, кроме того, через доверительные отношения с пациентом врач может помочь ему стать личностью в полном смысле слова, не только в его индивидуальном развитии, но и в гармонических взаимоотношениях с природой, с людьми и с Богом.

Все эти вопросы, возникшие на международных конференциях и в результате стольких лет ежедневной медицинской практики, привели меня к карьере писателя и лектора.

Таким образом, проследить логику в последовательности событий нашей жизни можно, и идея д-ра Ганса Шаффнера кажется мне очень интересной – пригласить стариков вроде меня, чтобы они выяснили для себя и рассказали всем, какова самая главная составляющая, определившая направление их жизни. Говоря об этом, я неизбежно дол-

жен был многое сильно упростить, но все равно считаю, что смерть моей матери стала для меня тем событием, которое определило формирование меня как личности. Смерть матери для меня – страшное несчастье. Нет, конечно, она не повлияла на всю мою жизнь; травмы, полученные в детстве, оставляют многих сирот на всю жизнь сломленными.

Мы не можем управлять событиями нашей жизни, будь они хороши или дурны. А за что мы точно отвечаем, так это за свою реакцию на эти события, какой бы она ни была – позитивной или негативной. Но отвечаем не мы одни, потому что наша реакция в значительной степени зависит от помощи, которую нам оказывают окружающие. Эта помощь исходит от подлинной встречи личностей, что случается весьма редко. Я полагаю, что это всегда милость Божья, которая направляет нас в сторону подлинной встречи лицом к лицу точно в тот момент, когда она наиболее необходима, чтобы повести нас с собой через печали и радости, падения и успехи. Что еще остается нам на закате жизни, кроме того, что пришло от Бога?

Приключение продолжается...

Июль 1984 года

Я хотел бы поблагодарить Чарлза Пиге за то, что ему пришла в голову идея составить эту книгу, и за все хлопоты, которые он предпринял, собирая все эти интервью и статьи, данные и написанные при самых разных обстоятельствах. В таком сборнике неизбежны повторы, за которые я прошу прощения у читателя. Но если бы не эта заключительная глава, кое-что оказалось упущенным. Дело в том, что два месяца назад, имея за плечами пятьдесят лет супружеской жизни с Нелли, я женился на Коринне О'Рама, и об этом браке, разумеется, не упоминается в старых документах, вошедших в данную книгу. Так что я стою на старте совершенно нового этапа моей жизни. Полноценный импульс жизни поддерживается только тем, что вслед за одним новшеством принимаешься за другое, – ведь каждое приключение в повседневности постепенно изживает себя, если только какое-то неожиданное событие его не оживит.

Наша свадьба стала настоящим сюрпризом и для моей жены, и для меня самого, и для наших друзей. Мы познакомились прошлым летом в круизе по Средиземному морю. Я читал лекции на корабле, а Коринна, пианистка и лауреат первой премии на конкурсе в консерватории, давала концерты. Впрочем, наша работа не ограничивалась лекция-

ми и концертами – мы должны были работать вместе над общей задачей. Коринна специализируется на творческой музыке (как она ее называет): это композиционная форма, еще более спонтанная, чем традиционная импровизация.

Вот так мы работали. Коринна выражала своей игрой чувства, пробуждаемые моими словами, и для меня этот художественный опыт был чем-то новым и волнующим. Такие упражнения требовали более углубленного взаимопонимания между нами, и они же его создавали.

Мы вкладывали душу в эту работу среди веселой суеты круиза, мы работали как сотрудники, не помышляя ни о какой взаимной симпатии. И только после возвращения на берег мы оказались вдвоем, рядом, в вагоне поезда. Говорить не хотелось, но я боялся, что Коринна будет ощущать неловкость от моего молчания. Я сказал ей об этом, и она ответила: «Я тоже очень люблю молчать».

Это было очень глубокое молчание, очень долгое, нарушаемое только немолчным стуком колес. И вот тогда я почувствовал, что люблю Коринну и что она любит меня, и что тоже это знает, и знает, что я знаю. Нам не нужно было ничего говорить друг другу, едва заметное прикосновение мизинцев говорило лучше всяких признаний. Мы с Коринной – она, привыкшая выражать себя в музыке, я в звучащем слове – сидели и вслушивались в то самое безмолвие, в котором чувства рождаются еще до того, как о них догадываешься. Родилась большая любовь.

Читатель не станет требовать от меня описания всей той душевной бури, что бушевала во мне в последующие месяцы, когда разум боролся с сердцем. Ни Коринна, ни я не представляли себе любви без брака, который освящает равные права мужа и жены. Мой отец был тридцатью двумя годами старше матери, но они поженились, когда ему было шестьдесят, а мне – семьдесят шесть! Так что нет ничего неестественного в том, что дебаты в моей голове сопровождались всякого рода страхами перед всевозможными пертурбациями, которые может вызвать второй брак. Мне начало открываться – и до сих пор открывается – насколько

ко я погрузился в себя за время своего вдовства. Я сохранял вид деятельного человека, потому что читал много лекций, но каждый раз это было, как выброс десанта, после чего я возвращался и снова зарывался в свою холостяцкую повседневность. Даже чтение лекций может превратиться в рутину! К тому же, дом без женщины быстро превращается в нечто вроде одиночного окопа на войне.

На все мои увертки Коринна невозмутимо отвечала: «Довольно того, что мы позволяем Богу вести нас». Вот мы и вернулись к вопросу о Божественном руководстве, о котором я так часто говорил в собранных в этой книге статьях. В этом отношении Коринна пребывает в гораздо более спокойной убежденности, чем я. Она верит, что Бог направляет нас, как бы мало мы на него ни надеялись, и мы можем не знать, в чем он направляет нас и почему. Я же, напротив, всегда вслушиваюсь, стараюсь уловить слово, идущее непосредственно от Бога, и мне трудно принимать решения, если я не получаю ответов на вопросы, которые Ему задаю.

Я всегда признавал, как трудно определить волю Божью в своем жизненном поведении. Правда в том, что Бог редко отвечает на наши вопросы. На том отрезке времени молчание Бога было для меня особенно тяжелым. Но и в такие времена Он взывает к нам. Прислушиваться к Богу значит не столько задавать Ему вопросы, сколько услышать то, что Он призывает нас делать. Я был в таком состоянии, что чуть не порвал с Коринной. И тогда раздался этот тихий внутренний голос: «Что ты делаешь? Почему приносишь в жертву своим страхам и социальным предрассудкам женщину, которую любишь и которая любит тебя? Неужели ты не знаешь, что страх – плохой советчик и что можно рассуждать до бесконечности и не прийти ни к какому решению, разве что только в математике?» Я сразу подумал о математике Паскале, который говорил о ставке веры. Любовь – это тоже ставка.

В моей душе снова воцарился мир. В любви и вере можно иметь дело с чем угодно. Коринна сразу почувствовала,

что я принял твердое решение. И вот – мы пускаемся в новое приключение. С самого начала нас захватил вопрос творческих способностей человека. Коринна занимается импровизированным сочинительством прямо на публике. Я, конечно, готовлю свои лекции заранее, но когда я заканчиваю, начинается дискуссия, мне приходится импровизировать, и хотя мои мысли не так четко сформулированы, но зато более оригинальны. Как можем мы развивать художественные, литературные и даже научные творческие способности? Мы с Коринной вместе прочли на эту тему лекцию. Естественно, мы не утверждаем, что творческую интуицию в этих областях надо сдерживать или формировать... интуиция должна быть спонтанной, иначе это не интуиция. Но творческие способности – один из потенциалов человеческого сердца. Страх же их душит. Как сказала Коринна, высвобождает их Дух, тот самый Дух, Который вечно присутствует во вселенной и в человеке, вдыхая жизнь во всю материю, от мельчайших частиц атомного ядра до вдохновения художника.

Я постепенно обнаружил, как близки мы в восприятии медицины личности как целого, которой посвящена эта книга. Для меня интересоваться не болезнью, не случаем из медицинской практики, а личностью пациента, устремлять все усилия на диалог с ним – значит передавать ему немного человеческого тепла, придавать ему мужества, чтобы он мог встретить лицом к лицу свои проблемы, а не бежать от них. Для меня служить свидетелем своей веры значит разбудить в человеке те духовные силы, которые общаются ему как личности структуру, жизнь и единство. В то же время, это бросает свет на смысл болезни и способствует успеху в ее излечении.

Итак, у врача две задачи: научная – поставить диагноз и назначить лечение, и человеческая – развивать пациента как личность. Первую врач выполняет сам, и она требует от него соответствующего образования и опыта. Для решения второй задачи врач должен быть личностью, в которую пациенты верят.

Но тут уже врач не один, и университетского диплома от него не требуется – любой человек, способный сочувствовать, может помочь другому расти как личности. Так это было с Нелли: я иногда говорил, что она занимается медициной личности в супермаркете и в автобусе, а я – в своем медицинском кабинете. Так и с Коринной: ей интересны все, и в особенности – ее ученики. Она помогает им в трудных ситуациях своим дружеским расположением, духовным подходом к жизни и даже советами, например, как правильно питаться. Так что мы с ней едины в любви, вере и преданности.

